

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 32

1984

Ия МЕСХИ

ПРОБЛЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ!..

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 32

Ия МЕСХИ

ПРОБЛЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ!..

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Ия МЕСХИ

Ия Семеновна Месхи — заслуженный журналист Грузинской ССР, работает в журнале «Огонек» корреспондентом тридцать три года. Она лауреат премии Союза журналистов Грузии. Награждена орденом «Дружбы народов».

В книгу вошли очерки последних лет.

ВСЕ ОТ ЧЕЛОВЕКА

Баку. Солнце. Море, вышки и ветры. Ветры и ветры. На ногах не стоит человек!..

Баку. Центр. Улицы. Дома. Люди. Стада автомашин. Милиционеры на перекрестках в высоких «скворечнях». Метро. Магазины. Яркое и пестро. В глазах рябит.

Баку восточный и Баку европейский. Где-то на грани. Речь человеческая мягка, как выдохи аккордеона. Так говорит азербайджанец на своем. Так говорит русский на своем. Любой, если он бакинец.

Бакинец не нация, бакинец — понятие. Великолепное понятие. Значительное. Не просто гражданин столицы Азербайджанской Социалистической Республики, а гражданин такой столицы, которая приняла, прилюбила к себе людей множества других наций. И все они, эти люди, при значительном большинстве коренных жителей республики, годами пестовали особый, сочный, колоритный тип бакинца.

Годами. Многими и нелегкими.

Годами, наполненными беспримерным интернациональным единением во имя одной социальной идеи и беспримерными жертвами во имя другой, с позволения сказать, идеи — лютот межнациональной розни. Добро боролось со злом. Победило добро. Победило политически, государственно. Медленно, но верно стало изгонять из сознания людей остатки собственничества, остатки шовинизма, национализма, прочей мерзкой отравы, гнездящейся в душах слабых людей. Легко возбудить, заразить. На лечение уходят годы...

Шагает сейчас бакинец по своему городу. Свободно, легко ему. Город — его. Магазины, театры, метро, вышки, солнце, море, ветер — его. Проспекты и улицы — его.

Есть Шаумян улица и есть Шаумян — человек. Если у кого-нибудь привычное это название позванивает в ушах серьгой-безделушкой, возьми, товарищ, такого за руку и скажи ему:

— Шаумян — это человек. Он тоже хотел ходить по Баку вот так, свободно, легко, без шпиков, без постоянной угрозы сесть за тюремную решетку, без выкриков мусаватистов, что он чужак, без истерик

дашнаков, что он изменник своей нации. Он любил и был любим. Он ласкал своих детей. Он, рожденный в городе Тбилиси, получивший образование в городе Риге и в городе Берлине, по складу своего ума мог стать созерцателем-философом. Он стал борцом.

Однажды он собрал бакинцев и сказал им:

— Я счастлив, товарищи, поздравить вас с объявлением Баку Трудовой Коммуной...

Говорил о будущем социалистическом строе, который для нас уже реальность, о новых отношениях труда и капитала, о новом, социалистическом образе мышления и чувствования. Это было 2 июня 1918 года. В этот день бакинские большевики национализировали нефтяную промышленность. Упал колосс, на котором зиждился старый, прогнивший мир. Как все это ударило по кошелькам, по кубышкам, по сейфам в банке!

Ему этого не простили. Против него объединились социал-предатели всех оттенков: мусаватисты и эсеры, дашнаки и меньшевики. Если до сих пор их речи можно было принять за революционные, то стоило тронуть капитал, как все обнажилось: зазвенело английское золото, забряцало германское оружие, турецкие сабли.

Три месяца и три недели жил после этой речи Степан Шаумян. Потом у него отняли жизнь. У него и его единомышленников.

Расскажи это ничего не помнящему и поведи за собой на площадь комиссаров, к мемориалу 26-ти. Там всегда люди. Там всегда молодые. Они ходят, смотрят, думают. Памятник нужен не для тех, кто лежит в земле, а для тех, кто ходит по земле. Памятник для памяти. Человек может существовать без глаз, без рук, без слуха. Без памяти человек перестает быть человеком.

Вместе со Степаном Шаумяном в одном ряду лежат еще 25 человек. Он среди них самый старший по возрасту. Ему 40. Остальным тридцать с чем-то, двадцать с чем-то. Редактору «Известий Бакинского Совета» Сурену Осепяну — 28. Редактору «Бакинского рабочего» Арсену Амирян — 27 лет. Григорию Петрову, которого Ленин послал в Баку Чрезвычайным военным комиссаром от Центра, — 26 лет.

Молодые, они лежат тут без седины. Мускулы играли. Плечи не знали сутулости...

В ту ночь, когда губернский комиссар Мешади Азизбеков упал в холодный песок Закаспийской пустыни, на узкой бакинской Азиатской улице раздался крик младенца. У Мешади родилась дочь.

Они должны были жить, эти люди.

Мешади был инженером, кость от кости, плоть от плоти этого города. Несгибаемый ленинец, смел и решителен, дипломатичен и рискован, он был одним из организаторов партии азербайджанцев-коммунистов «Гуммет». Ему тоже кричали мусаватисты: «Изменник нации!»

Алеша Джапаридзе собирался стать учителем. Его родина —

верховья реки Риони в Западной Грузии, горное село Шердомети. Его родина — южные склоны Главного Кавказского хребта, снежные пики, бурные ледяные потоки, небо нестерпимо синее и близкое — рукой достать! И его родина — мазутный, вышкастый и ветрастый Баку, которому он отдал четырнадцать лет своей самой активной и зрелой жизни, став в Коммуне комиссаром внутренних дел. И хотя за эти годы были у него туманный Лондон (съезд РСДРП), холодный Великий Устюг (ссылка), знойный Трапезунд (партийное поручение) и суровый сибиряк Енисей (ссылка) — все это работало на Кавказ, на Баку.

Иван Фиолетов, крестьянский сын, ставший слесарем на нобелевских промыслах, ставший рабочим и любимцем рабочих и их вожakov («Ваничкой» звали они его!), ставший государственным деятелем Трудовой Коммуны — комиссаром по делам народного хозяйства, — родился на Тамбовщине.

Родом тбилисец, выпускник Московского университета по историко-филологическому факультету Григорий Корганов, комиссар Коммуны по военно-морским делам. Родом из Белоруссии, из маленького местечка на Могилевщине, Яков Зевин, комиссар труда. Родом из Шуши, что в Нагорном Карабахе, Мир-Гасан-Везиров, комиссар земледелия. Родом рижане два моряка, два участника штурма Зимнего в октябре 1917 года — Владимир Полухин, чрезвычайный комиссар Военно-Морской коллегии, и Эйжен Берг, член Военно-революционного Морского Комитета.

Неважно, откуда они пришли. Важно, что они боролись за Бакинскую Коммуну, что они погибли за нее. Все вместе, в один трагический час.

Они были до щепетильности честны и благородны.

В конце августа 1918 года в Совете обсуждался вопрос о приглашении в Баку английских войск. Мотивировка эсеров, дашнаков и меньшевиков: не справимся с наступлением на Баку турков, не справимся с голодом и так далее. На самом деле — тайный сговор с англичанами. На самом деле — при помощи англичан вытеснить из Баку большевиков. Большевики настаивали: никогда, никаких компромиссов с интервентами, душителями Советской России!.. Большинство депутатов-коммунистов в эти дни были на фронтах, и предложение ренегатов небольшим перевесом голосов победило. Бесчестно, горько, но факт. Комиссары сложили свои полномочия.

— Рука интервента, протянутая рабочему, — фальшь и рабство! — сказали они.

Сложив свои полномочия, бакинские комиссары могли рассчитывать на выезд из Баку в советскую Астрахань. Открыто и доверчиво погрузились они на пароходы вместе с отрядами красногвардейцев, вместе с семьями и детьми. Отплыли. По приказу англичан за ними послали погоню, догнали в открытом море, обстреляли, повернули

вспять. И даже заключенные в тюрьму, обливаемые несусветной грязью в меньшевистских газетках Шаумян, Азизбеков, Джапаридзе, Фиолетов, Зевин, Корганов, Басин, Малыгин и другие были избраны в Совет депутатов.

Они ждали своей участи в тюрьме со спокойствием и верой в справедливость. Ведь они оказались в руках людей, с которыми у них на протяжении многих лет были серьезные разногласия, но которых они, однако, и пальцем не тронули, придя к власти. Даже заседали с ними вместе в Совете! Тем не менее люди эти, продавшие Баку англичанам, не нашли ничего лучшего как обвинить комиссаров в «государственной измене»!..

Когда турецкие войска с отрядами мусаватистов вплотную подошли к Баку, новоявленным диктаторам вместе со своими благодетелями из Англии пришлось поспешно бежать. Комиссаров они оставили в заточении на расправу новым правителям. Только энергичными действиями бакинских подпольщиков-коммунистов удалось вырвать комиссаров из заточения и посадить на отправляющийся в Астрахань пароход. Уже в море эсеровски настроенная команда парохода изменила курс на захваченный эсерами Красноводск. И тут была у комиссаров еще одна возможность силой оружия заставить команду подчиниться им. Но можно ли проливать кровь матросов? Этично ли беспокоить беженцев, заполнивших палубы парохода? Комиссары верили в то, что в Красноводске с ними ничего плохого не случится, что английская администрация не разрешит по отношению к ним никаких акций, противоречащих суду и совести.

Они не верили в плохое даже тогда, когда к ним ночью в тюремную камеру ворвались пьяные главари эсеровского правительства в Закаспии и объявили, что повезут их в Ашхабад на суд.

Комиссары не знали тогда, какие (не лишенные основания!) соображения роились в голове представителя Британской миссии в Средней Азии генерала Малессона. Соображения, которыми он значительно позже, в 1933 году, поделился со своими соотечественниками в одном из лондонских журналов: «На наши (!) берега вдруг высадилась целая группа влиятельных агитаторов России,— писал он.— Учитывая неустойчивость местного населения, было вполне возможным, что им удастся вновь большевизировать этой край»...

Как всегда (как и сегодня!), агитаторы России представляют собой красный жупел, опасность номер один!..

«Правда, комиссары были не опасны,— продолжал Малессон,— в том смысле, что они были лишены огнестрельного оружия. Но они обладали гораздо более грозным оружием, чем автоматы,— могуществом опытного агитатора, которое повелевает массами»...

Сейчас эти раздумья звучат, как оценка. Тогда они решили участь. Их было достаточно в качестве сигнала к действию для прислужников, заплочных дел мастеров, дружинников партии правых эсеров.

И сели комиссары в вагон специального состава. В одном — они, в другом — палачи. Нашелся же машинист, выполнивший этот черный рейс!..

Была глубокая ночь, сентябрьская, теплая еще в этих местах. Поезд мчался через пустыню без остановок, без огней. Через несколько часов притормозил на 207-й версте. Двери вагона раскрылись:

— Выходите!!

Кое-кто захватил вещи. Под ногами хрустит песок. Ровная, как скатерть, земля. Только маячат телеграфные столбы. На востоке алеет утренняя заря. После душного вагона дышится свободно. Неясно лишь, куда ведут, если вокруг никакого жилья...

Лишь через год и три месяца, 20 декабря 1919-го, войска Туркестанского фронта, освобождая закаспийские земли от всякой нечисти, подошли сюда. Член Реввоенсовета фронта Валериан Куйбышев телеграфировал Президиуму ВЦИК о том, что «между станциями Перевальная и Ахча-Куйма в Закаспии, на днях взятыми нашими войсками, находится место, где зарыты предательски расстрелянные товарищи Шаумян, Джапаридзе, Петров и другие бакинские товарищи». Местные жители-рабочие раскрыли могилы. Раскрыли и содрогнулись...

Первое сообщение из Казанджика. Телеграфист. Руководитель казанджикских большевиков:

«Надо полагать, что убийство этих товарищей происходило всевозможными средствами. Я заключаю это из того, что головы частью отделены от туловищ, частью находились в ногах, сбоку и т. д. Часть черепов не были целы, были перебиты и раздроблены...»

За что такая смерть?

За убежденность и идейность, за веру в человека.

Помни об этом, молодой, стоя у Вечного огня над братской могилой 26-ти.

Их вернули сюда, в Баку в 1920-м. Советская власть в Азербайджане пребывала в самом что ни на есть младенческом возрасте: четыре с половиной месяца. Неотложных и жгучих дел невпроворот. Однако бакинцы пожелали немедленно вернуть в город своих комиссаров. В Ашхабад выехала комиссия Баксовета. Торжественно следовал специальный поезд по пустыне до роковой 207-й версты. Торжественно и печально подошел корабль с останками 26-ти к пристани Баку. Море народа и залпы орудий. Длинная процессия с красными и черными знаменами обошла все улицы города. Те улицы, по которым ходили они, по которым ходим мы сейчас. Остановилась на площади Свободы, которая сейчас носит их имя. Нариман Нариманов, открывший траурный митинг от имени ЦК Компартии и Правительства Советского Азербайджана, сказал:

«Спите, дорогие товарищи! Идеи, за которые вы боролись, воссияют ярко по всей земле...»

Комиссаров хоронили не только бакинцы. В те дни здесь состоялся 1-й съезд народов Востока. 1891 делегат от 37 различных народов, гости из компартий стран Европы и Америки. В одних рядах с бакинцами шли американец Джон Рид, венгр Бела Кун, англичанин Квелч, индус Рамза Кадыр, турчанка Наджия-ханум, казах Рыскулов, туркменка Бибинур...

Братская могила 26-ти, по словам Орджоникидзе, «будет укором и проклятием для тех, кто хоть на секунду изменит этому великому делу национального мира и солидарности трудящихся масс...»

С той черной сентябрьской ночи, когда стреляли, рубили, кололи на 207-й версте наших дорогих, безоружных людей, мы узнали много такого, от чего кровь стынет в жилах: лагеря смерти, сожженные дотла деревни, «бабы яры», детей, превращенных в идиотов, изделия из человеческой кожи... Может быть, кто-нибудь считает, что это, ближнее, может заслонить то, дальнее? Никогда! Память на то и память, чтобы хранить все, и, может быть, особенно тщательно самое дальнее.

Бакинцы отправились за прахом своих комиссаров на пароходе «Иван Фиолетов». Последние воинские почести отдал комиссарам в 20-м году полк имени 26-ти. Спеша на помощь восставшим рабочим грузинской столицы, первым ворвался в Тбилиси в 1921 году бронепоезд имени Шаумяна и Джапаридзе. Наверно, нет на закавказской земле уголка, где бы как-либо не были увековечены имена 26 бакинских комиссаров. Памятник им стоит и в столице Союза Советских Социалистических Республик — Москве.

А годы идут.

Баку. Солнце. Море. Нефть. Кружево нефтяных вышек в море — гордость бакинцев. Эти удивительные морские нефтяные эстакады уходят все дальше от берегов. Уходят все глубже в морское дно. Глубинная нефтеморразведка нащупала в Каспии туго набитый нефтью подводный хребет. Он тянется через все море от Азербайджана к Туркмении. К месторождениям не просто подступиться — очень глубоко. Нужна совершенно новая подводная нефтедобывающая техника. Может быть, человек спустится на дно. Может быть, возникнут ни на какие «Нефтяные Камни» не похожие подводные нефтепромыслы. Словом, они уже есть на карте морских геологов Баку. Они носят имена всех 26 комиссаров: Степан Шаумян, Алеша Джапаридзе, Мешади Азизбеков, Иван Фиолетов, Григорий Корганов, Яков Зевин, Мир-Гасан-Везиров, Григорий Петров, Владимир Полухин, Эйжен Берг, Арсен Амирян, Сурен Осепян, Иван Малыгин, Багдасар Авакян, Меер Басин, Марк Коганов, Федор Солнцев, Арам Костандян, Соломон Богданов, Анатолий Богданов, Арменак Борян, Иван Габышев, Ираклий Метакса, Иван Николайшвили, Исай Мишне, Татевос Амиров.

У них еще много славных дел впереди!..

КАК РАЗВЯЗАЛИ УЗЕЛОК

— Дома не дома, а что-то вроде избушек на курьих ножках, — сказал писатель не о какой-то там дореволюционной, а об Абаше начала семидесятых годов. — И крыты они почерневшим от дождей тесом или худым шифером. А деревянные изгороди и калитки! Они давно погнили, расшатались и покосились, колья так и кричат прохожим: «Помогите — поднимите нас!»...

Между тем Абаша стоит не в медвежьем углу, а на большой магистрали Тбилиси — Москва. С какой бы стороны ни ехал, до Абашки и после нее были и есть весьма бойкие городки и села Западной Грузии, занятой доходной культурой чая и цитрусовых. Абашинская же земля родит только кукурузу. А что сегодня кукуруза?.. Такое было в Абаше унылое, сиротское настроение, ныне повернувшееся на 180 градусов.

История с первого взгляда может показаться уж очень обычной. Сколько раз слышано по разным поводам: был отстающим, стал передовым. Руководитель нужен хороший. В хорошем руководителе дело. А что такое «хороший»? То-то и оно. Сколько «хороших» билось, бывало, о стенку лбом.

Новый партийный секретарь — молодой, подкованный, семижильный — может быть, и по старинке дотащил бы глубоко опустившуюся Абашу до состояния выполнения хотя бы плановых заданий. Вытанул бы бегемота из болота! Но, приехав сюда из Тбилиси и оглядевшись, стал мечтать не о том, как «вытащить бегемота», дабы он плюхнулся тут же, рядом, у болота, а о том, как покончить с «бегемотизмом» вообще, как стать поворотливыми, гибкими, изящными и неуязвимыми, подобно горным сернам.

Придумал кое-что. Получил «добро». Попробуй, мол, если смел. И вдруг заговорили об Абаше. По-разному заговорили: кто с сомнениями, кто с восторгом, с кривыми улыбочками, с откровенно хорошей завистью.

Писатель (мы его цитировали выше), немолодой уже прозаик Константин Лордкипанидзе, еще в тридцатых годах написавший книгу «Долой Кукурузную республику!», с юношеским пылом ринулся в кукурузную Абашу, чтобы сделать журналистскую книгу «Что произошло в Абаше». Вышел в республике и документальный телефильм «Абашский эксперимент». Дело оказалось вовсе не в этом отдельно взятом районе, а в методах хозяйствования, в дремавших под спудом ресурсах, которые, возможно, пригодятся в качестве модели и другим.

Я побывала в Абаше, своими глазами увидела хорошие дороги, ухоженные села, современные животноводческие комплексы. Увидела вновь остротенный центр района, где не выпирает блеск и мишура внезапно раздобревшего провинциала, напротив, все сделано весьма

современно, со вкусом, в умеренных масштабах. Дождалась своего часа Абаша!

В небольшом, уютном кабинете мы беседовали с Гурамом Давидовичем Мгеладзе. Он представился мне в своей области, если можно так выразиться, космонавтом № 1. Это слишком сильное сравнение оправдывается желанием подчеркнуть, что запуск космонавта № 1 не имел бы смысла без запуска космонавтов № 2, № 3 и иже с ними, отправляемых в космос в кораблях более оснащенных, с задачами более усложненными, утонченными. И еще — чтоб не возникало впечатления, будто «виток Мгеладзе» был сделан из удали: мол, надо «вытащить» район — иду в неведомое, иду на грозу! А если нет никакой грозы и небо спокойное, нужно ли рыпаться? О, как нужно! Еще-то как нужно! Увы, такова жизнь, если она не болото...

И если абашский эксперимент давно уже не эксперимент, а жизнь (Гурам Мгеладзе настаивает на этом), должны же быть у этой жизни продолжатели, применители, уточнители и развиватели? Вот это интересно! Вот об этом сегодня следует поговорить, поскольку то, что произошло в Абаше, — это в некоторой степени уже пройденный этап. Приглашаю вас теперь в неизменно передовой Махарадзевский район.

Здесь чай, чай и чай (цитрусовые тоже, но меньше). Близость моря, красноты, тепло и влага — то, что нужно капризному чайному кусту. И это старые, хорошо знающие чайное дело хозяйства: одному Лайтурскому совхозу, самому крупному в республике, уже за пятьдесят лет. И это два всесоюзных научно-исследовательских института, один по чаю и субтропическим культурам, другой — по чайной промышленности. Словом, и природные условия, и опытные кадры, и наука. Махарадзевский чай — это почти одна пятая всей чайной продукции республики.

Проблемы? Есть. Можно ли без них в наш век? Переход на полную механизацию сбора чайного листа. Если б махарадзевская земля располагала просторами да полями! Так нет, вся она в холмах, буграх, пригорках и прочих неровностях. Есть, конечно, площади, где может работать крупногабаритная машина «Сакартвело» или более маневренная ЧА-900. Но ручной труд на крутых склонах заменяется аппаратами малой механизации. Частично закупили такие у японцев. Стали производить и свои по типу японских. Но они вибрируют, утомляют сборщицу, грубо собирают чай (надо после сортировать). Сделали в институте чайной промышленности свой аппарат: ход плавный, обрывает только нежный трилистник, т. е. первый сорт. Но плохо работает в дождь, мокрый лист не берет. Снова надо думать, пробовать, улучшать...

Созданный селекционерами сорт чая «Колхида», как считают в институте чая, открывает совершенно новый этап в развитии советского чаеводства. Недаром черенки этого сорта активно запраши-

вают краснодарские чаеводы: у них есть земля. Здесь же, на этих плантациях, битком набитых старыми кустами, все же надо изыскивать площади для многообещающей «Колхиды». Ведь она оценена наивысшим международным чайным баллом — шестеркой! И это, постепенное вытеснение старых сортов новым, большая забота в районе.

Пока же надо заниматься повышением качества того чая, который есть. И хорошо, что махарадзевцы, перестав заниматься этим «на глазок», обратили свои взоры к промышленности, где уже давно существуют для определения качества стандарты и эталоны. Партийные руководители района вместе с учеными-чаеводами впервые на основе агроправил всех этапов возделывания чайного куста разработали для каждого этапа агростандарты. А из множества этих стандартов создали единый эталон для чайного сырья. И это позволило ввести в действие не на словах, а на деле комплексную систему управления качеством продукции в чаеводстве, проделать паспортизацию плантаций, присваивать плантациям Знак качества по восьмидесятивосьмибальной системе и, следовательно, поощрять чаеводов не столько за количество собранного листа, сколько за его качество. В результате махарадзевцы сдали на чайные фабрики первым сортом семьдесят один процент собранного в районе листа.

Хоть мы и снова отклонились от сути, рассказ о махарадзевских чайных проблемах был необходимым для того, чтоб ощутить, чем живет район и как у его партийного руководителя «чаем полна голова»...

Надо сказать, что Демури Ноевич Двалишвили — полная противоположность Гураму Давидовичу Мгеладзе. Если абашец кипуч и шумен, махарадзевец тих, в нем тихая твердость. От абашца сыплются искры контакта с землей и всем земным (учился в зооветинституте), махарадзевец — городской, он экономист (Ленинградский финансово-экономический институт).

Сейчас мы с вами проплывем по каналу. Сначала по старой Черпалке времен «Колхиды» Константина Паустовского (канал прокладывали в тридцатых годах землечерпалками, отсюда осталось такое смешное название). Сейчас это почти река — колхидский Нил, — берега поросли джунглями, кое-где охотничьи избушки стоят над водой. На четвертом километре катер поворачивается под прямым углом и входит в другой, более узкий канал, который уже прозвали двалишвилевским. И вот сам Двалишвили, рассказывающий, почему мы с вами здесь, на «чужой территории», у озера Палиастомы:

— Чаем, и даже с лимоном, сыт не будешь, не правда ли? Познакомился я с положением дел в махарадзевском животноводстве и пришел в ужас: сидим на шее у государства, а сельский район... Где коровы? Где мясо, молоко, молочные продукты, свинина, птица, яйца? Нет, не приписываю себе этого «открытия», ЦК партии республикой предложил как следует разобраться. Итак, где коровы? — спрашиваю

товарищей. «А где корм для них? — спрашивают они меня. — Возим сено с Украины, из Краснодара, Волгограда. Сто пятьдесят рублей обходится тонна! Нет уж, мы делаем чай, и это — достаточно трудоемкое дело». А надо сказать, что оплата на трудодень у чаеводов высокая, могут позволить себе покупать продукты в магазинах и на рынке. Но, представьте, какая неоригинальность мышления: в Колхиде делают чай, в Кахетии — виноград, в Горийской долине — яблоки... А кто должен кормить мясом и молоком нас, крестьян? Может быть, руставские металлурги?.. Или кутаисские автостроители?..

Однако с грубыми кормами действительно крах: нет сена. И тут мне сказали, что наш старый колхозный председатель, мудрейший из мудрейших Михако Орагвелидзе, который в контакте со своими украинскими друзьями из Геническа создал хорошую ферму крупного рогатого скота, посылает своих косарей к озеру Палиастоми. Я к Михаилу Филипповичу. Все уже, наверно, забыли, говорит, это было лет пятнадцать тому назад, к нашему району буквально прицепили никому не нужные болота возле озера Палиастоми. Я, мол, там промышляю сено, но это чертовски трудно и опасно. Взял я Орагвелидзе, поехал по этой самой Черпалке, смотрю: свыше пяти тысяч гектаров и травостой такой, что хватит на всю Западную Грузию. Но войти невозможно, проваливаешься в болота. Стали думать: как войти? Много спорили. Решили проложить канал в глубь плавней от Черпалки до реки Пичора, восемь километров. Достали четыре экскаватора. Работа адская. Прорезали!

Здесь мы выходим из катера на берег. Гладко выбритая земля пружинит, как хороший мат в спортзале. Двалишвили показывает:

— Вот на этом берегу и на противоположном, на двух полосах примерно в двадцать метров шириной сама собой отжата вода в канал: можно ходить, можно косить. Пойдем к косарям!

Косари под палящим солнцем черные как черти. Но довольны. Труд их всячески материально и морально стимулируется. Каждый колхоз посылает сюда свои бригады. Они растянуты вдоль канала, как на линии фронта. Три атаки, по три косьбы в течение года. Мы видим, как сено грузится на баржи, захватывающие по пять тонн, — их ведут по каналу тягачи-катера. Автопогрузчики на базовой пристани переваливают сено в грузовики — и в район. И обходится все это в два раза дешевле, чем купленное на стороне. В прошлом году начали, успели заготовить восемь тысяч тонн, в этом будет пятнадцать тысяч, потом — двадцать...

А еще забавная история с камышом. Здесь его видимо-невидимо, отличный белковый корм для скота. Но местные консерваторы упрямо твердили, что, мол, наши коровы не будут его есть. Тогда Двалишвили срезал большую охпку и повез на колхозную ферму, где должно было состояться большое совещание по животноводству. Вывели буренок, бросили охпку: те сжевали с большим аппетитом...

На канале стал работать опорный пункт Грузинского института механизации и электрификации сельского хозяйства. Смонтировали пока экспериментальную камышекосилку на модернизированном гусеничном тракторе. Хорошо режет и кладет на воду камыш.

И стал финансист-экономист Двалишвили вместе с другими специалистами подсчитывать, какие же все-таки у района возможности резко поднять отрасль животноводства. Нет, даже несмотря на появившееся свое сено, силами чаеводческих колхозов и совхозов этого не сделаешь. Необходимо свое зерно, кукуруза. Земли же нет. А если хорошо посмотреть? Все равно нет. А если все-таки очень хорошо посмотреть? Небольшие кусочки можно найти: там гектар, там три сотые. Не будут же ими солидные хозяйства заниматься?!

Не будут хозяйства — пусть занимаются отдельные люди!

Так пришло на ум использовать метод абашцев, вошедших в кооперацию с населением. Эти мелкие лоскутки земли решено было предложить жителям сел, колхозникам, служащим, интеллигенции, в качестве приусадебных участков, но только строго под кукурузу. Они могут обрабатывать их, получать урожай, кормить свою живность, а за это входить в долю с хозяйствами, то есть делиться с ними, отдавать и продавать часть того, что будут иметь.

Появились на свет тщательно отработанные договоры кооперации с населением отдельно по мясу, по молоку, по свиньям, по птице и яйцам, даже по кроликам.

К примеру, договоры по молоку имеют три формы. Первую можно назвать надомничеством. Ты, колхозник, своей коровы не имеешь. Твой колхоз выдает тебе корову и участок земли под кукурузу (а также другие корма строго по рациону). Уход за коровой вознаграждается трудоднями и зарплатой. Семьдесят процентов урожая кукурузы — тебе, тридцать процентов отдаешь колхозу. Кукурузная солома полностью твоя. Хорошо ухоженная корова дает хороший приплод и много молока. Все это делится пополам: на колхозную ферму и тебе. Какая тебе от этого радость? Имеешь дома молочные продукты и, если их много, можешь понести на рынок.

Вторая форма. Государство выдает человеку корову в кредит. Он рассчитывается за нее в течение пяти лет. Выдается также и участок для выращивания кукурузы. Семьдесят процентов кукурузы заключивший договор берет себе по закупочным ценам, за остальные, которые сдаются в колхоз, начисляют трудодни. Должен продать колхозу по закупочным ценам триста литров молока, можно сыром.

По третьей форме ты уже имеешь корову и подключаешься к кооперации. Смысл такой, что корова твоя из-за отсутствия кормов еле выцедивается. Ты занимаешься кукурузой, тебе помогают с другими кормами, и удойность коровы резко повышается. Двести килограммов молока отдаешь государству и сам имеешь гораздо больше, чем раньше.

Очень живо откликнулись махарадзевские труженики на эти предложения — у кого дома пенсионеры, у кого взрослые дети, кто сам вполне может справиться. Ведь что за житель сельского района без своей коровы, без парного молока?

Разнообразные формы кооперации создали населению большие удобства в вопросе выбора. И стремления войти в договор с хозяйствами значительно превысили имеющиеся пока возможности. И хотя по молоку кооперация началась с прошлого года (по мясу раньше!), сегодня в ней уже находятся четыре тысячи пятьдесят голов. В течение года район получит две тысячи двести тонн молока, восемьсот пятьдесят тонн мяса, много свинины, птицы, яиц.

— За два года, — говорит Демури Ноевич, — мы полностью отказались от государственной дотации по мясу. Больше половины дает общественный сектор, остальное — за счет кооперации с населением. В этом году в Махарадзе появился первый (будет и второй и третий) магазин мясо-молочных продуктов, открытый нашим агропромышленным объединением.

Районное агропромышленное объединение — это тоже опыт Абаша. А также опыт Талсинского района Латвии. Иначе кто, если не РАПО, смог бы вытянуть на своем горбу палиастомскую кормушку со строительством канала, приобретением флота и техники, с дополнительной оплатой работающих в тяжелых условиях косарей? А мясо-молочный комбинат? Нежданно-негаданно более чем вдвое увеличилась его нагрузка. Можно себе представить, сколько было бы писанины, нервотрепки и выколачивания даже небольших средств для того, чтобы расширить на комбинате приемный пункт! РАПО сделало это в два счета.

Но вернемся к чайным делам. Они все-таки главные в районе. Тринадцать чайных фабрик постоянно страдали от недостатка рабочих рук. Низка оплата труда, и сезонники (фабрики работают только во время сдачи листа) не шли туда. К каким ухищрениям и нарушениям не приходилось прибегать, чтоб только не срывать работу фабрик из-за отсутствия рабочих! По решению РАПО оплата рабочих этих фабрик подскочила вдвое.

Еще пример. Группа сотрудников института чайной промышленности в главе с кандидатом технических наук Манучаром Геронтьевичем Мамеишвили создала целый ряд отличных продуктов из чая. Получила патент. Надо строить комбинат. Пять лет ничего не двигалось с места. РАПО построило первую очередь комбината в этом году, как в сказке, за четыре месяца! Сразу же вложило в строительство большую сумму, зная, что в первый же год это окупится.

Откуда у РАПО такой туго набитый кошелек?

Управляющий РАПО, член бюро райкома партии Нодар Титович Такидзе раньше со своим аппаратом сельхозуправления представлял собой сорок беспомощных чиновников, или, как он сам образно

выразился, сорок детей, держащихся за подол мамы. Сейчас те же люди действуют совсем по-иному. Сейчас в объединении отдел капитального строительства не надзирает, а сам строит, отдел экономики предвидит, с полной нагрузкой работают механизаторы, агрослужба, отдел животноводства, отдел кормозаготовок.

В совет объединения вошли двадцать четыре колхоза, шесть совхозов, девять межколхозных объединений, два института. Совет выбрал правление. В руках у правления централизованный фонд из ежегодных отчислений от колхозов (15%), совхозов и других организаций (10%). И счет в банке. А колхозы в районе богатые, порядочно среди них миллионеров, не успевавших осваивать то, что имеют. Совет же в расходовании средств исходит из интересов района в целом, из коллективных его интересов, на что по Положению имеет четыре различных фонда: фонд развития производства, социально-культурный, материального поощрения, а также фонд резервный.

Новой жизнью зажил район, сам рассуждая, сам решая, перебрасывая свои средства и силы на тот участок, который, по общему разумению, важен сегодня, именно сегодня, а не послезавтра. Между тем ничего, казалось бы, не прибавилось и не убавилось, а меньше приходится требовать, пробивать и просить. Не стоит район с протянутой рукой, выключивая для села продукты сельскохозяйственного производства.

ДОБРЫМ НЕ ПРИКИНЕШЬСЯ

Я была у нее в ту пору, когда огромная трудовая Москва добирается наконец домой на всех видах транспорта и, сделав самое необходимое, начинает бурно общаться друг с другом по телефону.

И у нее то и дело звонил телефон. Чай остывал в стакане. А мы все же разговаривали. Ключковато, но на большее и нечего было рассчитывать.

Что привело меня к ней, к доктору наук, профессору Айне Григорьевне Амбрумовой, заведующей клиникой Московского института психиатрии? Я знала: ее постоянно приглашали в составе консилиумов на экстраординарные случаи. А экстра-случаи эти — самоубийства.

Может быть, кому-то кажется, что у нас нет самоубийств? Есть, к великому сожалению. Хотя для этого не существует никаких социальных оснований: нет безработицы, нет голода, от которого на глазах гибнут дети, нет унижений человека человеком: имущественных, расовых. Нет ничего такого, что делает жизнь действительно невыносимой. Этого не могут отрицать даже лютые враги нашего социального строя. Тогда почему же все-таки, преступая неписанные моральные нормы общества, отдельные лица доходят до такой ужасающей крайности?

Да потому, что самая социально благополучная жизнь не снимает вероятия микросоциальных конфликтов, конфликтов в так называемой личной сфере человека. Мы еще долго (Почему долго? Всегда!) будем любить и ненавидеть, будем страдать от обид, переживать измены, ужасаться пустоте, которая возникает после смерти единственного дорогого существа... Мало ли что еще может принять в сознании человека такую острую форму, при которой он считает себя попавшим в жизненный тупик?

Работая с такими людьми, задумываясь над явлением, исследуя его, советуясь с самыми разными специалистами, Айна Григорьевна пришла к убеждению, что нельзя сидеть сложа руки и только констатировать. Надо действовать.

Прежде всего у многих своих коллег необходимо развеять представление о том, что самоубийство есть проявление исключительно психической патологии, психической болезни. Мол, здоровый, нормальный человек не может наложить на себя руки. А больными как занималась до сих пор психиатрия, так пусть и занимается в своих лечебных учреждениях. Логично, не правда ли?

Но Айна Григорьевна, сама психиатр, не соглашалась с этим. Впрочем, к чему спорить, главное — факты. И в больнице Скорой помощи имени Склифосовского, прямо в приемном покое, стала дежурить (днем и ночью) группа сотрудников Аины Григорьевны, состоящая из психиатров, психологов, социологов, юристов. Задача — с предельной скрупулезностью уяснить, кто и почему совершает попытки лишить себя жизни. Больше года комплексных научных наблюдений. Вывод: подавляющее большинство из них — практически здоровые люди, пребывающие, однако, в состоянии сильного душевного кризиса, что иначе называется экстремальным состоянием.

Давайте же, коллеги, поглубже вникать в эти состояния человека, изучать их проявления, искать возможности воздействия на них с целью предупредить грозные концы! Что для этого нужно? Теоретические исследования? Труды? Специальный отдел в институте? Создали отдел. Что еще?

В качестве эксперимента в Тимирязевском районе Москвы появился еще в 1975 году первый Кабинет социально-психологической помощи, «первая ласточка» теперь уже почти выстроенной практической службы. Сейчас такие кабинеты почти во всех районах столицы.

Ну вот, например, один из них, во Фрунзенском районе. В одной комнате — врач, психотерапевт, со своей помощницей медсестрой, в другой — психолог. Иногда они сходятся и говорят с посетителем вместе. Кроме того, звонит телефон, звонят те, с кем уже завязаны отношения, звонят и новички.

Я была здесь дважды и подолгу. Видела и тихо удрученных и бурно плачущих. Слез здесь предостаточно. Помните, у Толстого: «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»? Не собираюсь

пересказывать истории. В них ничего нового, хотя в каждом случае они совершенно не стандартны. Главное же, вместе с персоналом Кабинета хочется соблюсти полную анонимность. Ведь анонимность здесь — железное правило: не нужно предъявлять ни документов, ни справок, не требуется заполнять анкет. Следует только назвать свое имя для удобства общения.

Направляясь в Кабинет, я боялась встретить здесь вышколенных службистов с приторными улыбками, кои должны выражать необъятную любовь к Человеку. Улыбок не было. Спокойные и деловитые, еще не утомленные жизнью симпатичные молодые женщины спокойно и корректно вникали в суть дела. Человек доверяет им свое сокровенное. Надо разобраться в самом человеке, в его состоянии, понять, болен он или просто измучен долгим нервным напряжением. Надо ухватить в ситуации важное звено. Как они это делают? Думаю, что с помощью знаний и опыта. Они же профессионалы, а не случайные попутчики в железнодорожном купе!

Кстати о купе. Вы не задавались вопросом: почему именно в дороге человеку, которого больше не увидишь, рассказывается жизнь? Тем более, если буря в душе, если растерян, уязвлен. А что если дадут тебе мудрый совет? Бывает и так.

Но у человека, наверно, есть близкие, есть хорошие знакомые и друзья. Почему он не бежит к ним со своей тяжестью? Может быть, их нет под рукой именно в нужное время? Может быть, нельзя огорчать кого-то или известно, какую они сторону держат в конфликте? Конфликт-то как раз происходит в том маленьком кругу, где все всё друг о друге знают (или думают, что знают). И тут хорошо бы как раз нейтральное лицо, так сказать, чужой-близкий, если он к тому же оснащен целым арсеналом средств помощи: нужными лечебными препаратами, возможностью консультаций, которые имеет Служба, правом вмешательства в самые различные организации вплоть до милиции. Он, этот чужой-близкий, для того и сидит в Кабинете, что у него есть для вас столько времени, сколько понадобится. Он работает на вас! Не роскошь ли?

Работа эта трудоемкая и не поддается учету. Помог человеку простым советом или основательно с ним потрудился — в результате: «Спасибо. Все в порядке». Это хорошо. Плохо, когда просто перестал ходить, канул, не понимая, что люди в Кабинете тоже люди: ты на них свалил свои горести, и они держат их в своей памяти под знаком вопроса.

Да, здесь есть большая, внимательная и вместилищная память, есть журнал посещений и звонков, а у врача — с лечебными назначениями. Иначе все смешается в голове. Кажется, не может она больше воспринимать одну печальную историю за другой. Но ни доктор Марина Георгиевна Балашова, ни психолог Елена Поленова не торопятся в конце рабочего дня стремглав домой.

Уже говорилось, что для работы в таком кабинете необходим профессионализм. Теперь хочу прибавить: желание помочь человеку, вкус к тому делу, доброе сердце. Доброе сердце — категорически.

Предвижу ехидную реплику:

— А они обязаны иметь доброе сердце. За это им зарплата от государства...

Ну что тут скажешь? Ведь можно притворяться, что весь ты соткан из добра. Только это всегда видно...

Дом, в которой мы зашли, Айна Григорьевна называет кризисным стационаром. Собственно, не дом, а потесненный этаж большого больничного здания. За стеклянной дверью, как бы осыпанной осенними листьями, водворился свой необычный мир.

В чем его необычность? Нет белых врачебных халатов и нет халатов больничных. Все в своих одеждах. Нет слова «больной», а есть обращения по имени и отчеству. Взаимно. Жилые комнаты-палаты, мебель, сервиз, ковры — словом, вся обстановка — домашняя, уютная. Хочешь выйти в город — выходи, но возвращайся к сроку. И к тебе могут прийти. Все на доверии. Это — твое временное пристанище, где тебя неназойливо подкармливают успокоительными средствами и тем временем пытаются уяснить и по возможности сгладить ситуацию, которая тебя выбила из колеи. Иногда это удается сделать недели за две, иногда проходят месяцы.

Вижу шагающую бодро по коридору молодую женщину в модных вельветовых брючках, и гадаю — врач? Через некоторое время она садится рядом со мной на диван и говорит Айне Григорьевне:

— Мне так стыдно, Айна Григорьевна, перед вами! Я даю вам честное слово, поверьте — это не повторится...

— Тебе стыдно, девочка, а мне страшно. Ну как я тебя отпущу?

Чудится мне, что есть уже решение отпустить человека с миром, но все же идет маленький спектакль-торг. Женщина уверяет, что мама уже напекла пирогов, звонила, ждет ее. Айна Григорьевна требует, чтоб на завтра был ей звонок домой. Женщина в брючках легко вспархивает с дивана... А месяц тому назад это молодое создание еле вернуло к жизни в «скорой». Вернули к жизни, но к возвращению домой еще не все было готово...

Разговариваю с двумя симпатичными молодыми людьми, назову их Наташей и Юрой. Каждый из них появился здесь по-разному, в состоянии тяжелой депрессии. Месяца два назад они вышли отсюда и разошлись по своим домам. Бывает, созвонятся теперь и приходят сюда. Знакомых уже нет, все новые. Что-то тянет их к этим людям, хочется подбодрить добрым словом, что ли. Ходили они в гости и к тем знакомым по стационару, у которых все еще не совсем, не до конца уладилось. Как бы говорят им: «Мы рядом!» Они узнают адреса и телефоны одиноких пожилых людей и разговаривают с ними («Мы рядом!»). Вот ведь какая потребность!

Наташа считает, что она не была такая до своей... неприятности. («А ты, Юра? Ну что ты молчишь, как истукан?») А здесь, в стационаре, то и дело плакала и никого не хотела видеть поначалу. Как и большинство других. Что же ее так переродило? Все вместе: обстановка добра, ее врач-психотерапевт Лидия Ивановна. И еще Майя Захаровна...

Наташа и оживившийся Юра начинают рассказывать об игровых вечерах, который проводила с ними Майя Захаровна. Она временно не проводит их, потому что «брошена» на Телефон Доверия. Вы понимаете, объясняют они мне, тут собираются люди очень неконтактные, каждый сам в себе, даже в глаза друг другу не смотрят. А Майя Захаровна из вечера в вечер занималась с ними со всеми таким образом, что совершенно раскрутила, расковала все, что было зажато...

Майя Захаровна Дукаревич, старший психолог Службы, — человек творческий и бесконечно преданный делу. Таким все равно, как они одеты, сколько часов работают, что у них на сегодня — обед из трех блюд или один чай с бубликами. У одних подобные люди вызывают чувство глубокого уважения («Я бы хотел так, но не могу!»), других раздражают, потому что сами они живут по другим законам.

Майя Захаровна помогает в работе всем психологам Службы, а в стационаре по вечерам ведет с его обитателями «разминки» — или, как она сама их называет, «ролевые игры». Содержание этих игр каждый раз придумывает сама. Для чего эти занятия? Чтоб снять чувство покинутости, невнимания, одиночества. Чтоб познакомить их друг с другом, подружить. Чтоб научить их отличать в обыденной жизни главное от второстепенного, тренировать мышление, волю, внимание, втягивать в придуманные конфликты и находить из них выход! Очень все это необходимо человеку для возвращения на круги своя!

Мне не довелось все это увидеть своими глазами. В самом деле Майя Захаровна была спешно «брошена» на Телефон Доверия. Что же такое Телефон Доверия? Это третье, завершающее звено Службы. Это возможность мгновенного участия в вашем стрессовом состоянии, скорая душевная помощь. Для того, чтобы все это было на уровне, оборудуются помещение, специальные каналы связи, подбирается и готовится штат сотрудников. Но в прессе, по милости торопливых и невнимательных журналистов, уже появилось сообщение о том, что такие телефоны действуют, даже номера были обнародованы — два взятых наобум номера кабинетов социально-психологической помощи. Поправлять дело было уже поздно, посыпались звонки. Айна Григорьевна метала громы и молнии: «Так же можно оскандальить всю идею!» Старший психолог Майя Захаровна Дукаревич села у одного из телефонов: «Пусть кустарно, но все равно помочь...»

И снова думаю — не стоит пересказывать того, что слышали возле этого телефона мои уши, в общем-то «чужие уши». Сама Майя

Захаровна говорит, что за месяц дежурств у ТД она по-строгому, понастоящему отвела беду у четверых: один мужчина, три женщины. Пятый случай, как мне показалось, был в моем присутствии. Позвонила женщина, сказала, что у ее подруги плохое состояние духа, ничего не помогает, она боится за нее. Нельзя ли как-то поговорить с ней, не откладывая в долгий ящик, вот ее телефон...

Майя Захаровна набрала номер: «Здравствуйте. Это к вам вторгается Телефон Доверия. Простите, пожалуйста, как вас зовут?» И пошел разговор, нелегкий, длительный. Я выходила из комнаты, возвращалась, под конец слышу: «Значит, я вам эту книгу непременно достану. Может быть, завтра не успею, а послезавтра непременно позвоните мне по такому-то телефону. Хорошо? Ну вот и прекрасно...»

У Майи Захаровны ровный, медлительный голос и какое-то удивительное умение говорить просто, но не плоско, говорить много, но не говорить лишних слов. «С этим человеком у меня уже есть контакт», — ответила она на мой молчаливый вопрос.

Вот такая она, новая московская служба, официально называемая Всесоюзным научно-методическим центром по изучению и предупреждению экстремальных состояний. Конечно, у иных шутников и бездумных бодрячков она может вызвать желание порезвиться (бывают и хулиганские звонки). Но следует ли поднимать на смех то, что у молодых и старых, спокойных и истеричных, глупых и очень даже умных людей кончается порой совсем не смешно?

Век у нас нервный: НТР, перегрузки, сложности больших, растущих городов, сквозняки дуют с голубого экрана, из программы «Сегодня в мире», где-то там стреляют, убивают, грозят бомбой. Мы хотим в своем доме мира, хотим больше тепла человеческого. Может быть, больше, чем это обычно принято.

Вот он, человек, устроивший свою личную жизнь, свой мирок, который согревает его. Он привык к нему, адаптировался. И вдруг что-то резко меняется: кто-то умер, предал, бросил, обидел. Надо перетерпеть, или попробовать сохранить, или найти какой-то выход.

Главное — найти из конфликта выход! Миллионы людей их находят, включают тающиеся в глубине волевые ресурсы, ищут варианты, сами перемалывают свою боль. А кто-то не может, кто-то дезадаптировался вконец, потерял точку опоры, может быть, к тому же запил (алкоголь сильно усугубляет кризис!). Или довел себя длительным нервным напряжением до полного отключения от людей. Вот это очень опасно — полное отключение от людей.

Так я позволяю себе в весьма вольном стиле передать суть амбрумовской научной концепции, о которой узнаю от самого автора.

Может быть, вам покажется, читатель, что я слишком расхваливаю начинание, которое еще не окрепло, у которого наверняка есть

и недоработки, и срывы, и несоответствующие сотрудники. Но я их не видела, а делу искренне поклонилась. И думаю (на эту мысль меня навели Наташа с Юрой!), что у Службы могло бы появиться много добровольных помощников из тех, кто может и умеет оказывать человеку бескорыстную помощь, кому эта деятельность как хлеб насущный и, может быть, даже спасение от своих собственных невзгод.

ДАЙ РУКУ, МОРЕ!

Сперва очень коротко о сути проблемы.

Природа распорядилась так, что грузинские морские берега расположены очень близко к высоким горам, с которых стремительно несутся реки и волокут за собой обкатанные камни. Галька попадает в море, где тут же ее подхватывает вдольбереговое течение и распределяет по пляжу. Мудро распределяет уже миллионы лет. Морская галька становится защитницей суши от сильных штормов. Если гальки мало, море наступает, съедает пляжную зону, движется вглубь, захватывает землю...

А в каком случае гальки становится мало? В том, когда строители забирают ее для своих нужд из русел рек или прямо с морского берега. В том, когда реки перегораживают плотинами и к морю бежит чистая вода. В том, когда в пляжной полосе, в ее подводной и надводной части строятся сооружения (портовый мол, стенка, навалы из глыб, буна), задерживающие движение гальки вдоль берега или поперек пляжа. Такова справка.

Теперь же хочу рассказать, как журналистская судьба сводила меня с Энвером Эрастовичем Капбой. В первый раз, в начале семидесятых годов, он мне показывал последствия сильнейших штормов на Пицунде. Курорт только становился на ноги, инженер Капба был его директором. Я видела развороченную набережную, массивные плиты, доброшенные семиметровыми волнами до рощи, груды гальки и битого стекла возле пансионатов. Шторм избивал Пицунду с энергией, мощность которой равна почти миллиону лошадиных сил. И тогда уже было ясно: не строй ничего на пляже, в береговой полосе, не мешай волне гулять по своей территории...

Потом Капба, будучи секретарем республиканского Совета профсоюзов, занимался всеми курортами, ратуя за то, что прежде чем строить у моря, надо заняться состоянием берегов. Мы снова встретились, и он стал одним из героев очерка «Море волнуется».

А недавно произошло событие чрезвычайно важное и радостное для всех огорченных состоянием дел на грузинских морских берегах: в республике появилась «Грузморберегозащита», организация, став-

шая единоличным хозяином всего побережья Грузии. Первое в стране природоохранное научно-производственное объединение, которое исследует процессы, понимает их суть и само же производит работы. Та самая фирма, о которой и мы заикались на страницах печати. Генеральный директор НПО — кандидат географических наук Арчил Григорьевич Кикнадзе, человек отлично знающий проблему, перебравший своими руками чуть ли не всю гальку в горных реках Грузии и на морских ее берегах.

— В Гагре непременно повидайтесь с нашим давнишним другом Энвером Капбой, — напутствовал он меня в вояж, — Капба теперь первый секретарь Гагрского комитета партии и очень нам помогает...

И вот мы сидим с Капбой, за дверьми кабинета уже «шумит прибор», собираются на совещание люди. А секретарь не без юмора повествует о том, как он приобрел для Кикнадзе еще одного болельщика берегозащиты.

— И кого бы вы думали? самого министра энергетики Петра Семеновича Непорожного! Есть за этим министерством грешок в нашей республике: плотина Ингурской ГЭС, из-за которой теперь возле устья Ингури размывает берег по шестнадцати метров в год. Но это как-то не впечатляло энергетиков. Впечатлило лишь тогда, когда в декабре 1981 года, уже в Гагре, смыло берег у дома отдыха «Энергетик». Высотный корпус, построенный близко к пляжу, чуть было не рухнул. И тут энергетики (люди богатые!) помогли нам с техникой, которая работает сейчас на «Грузморберегозащиту», пока что бедную, как церковная мышь. Вот Владимир Михайлович Пешков, руководитель гагрского прибрежного стационара НПО, все вам покажет.

И дальше мы смотрим все болевые точки гагрских берегов.

Что же у Гагры болит? Что расшатало ее здоровье? Сначала строители вовсю гребли гальку из рек, что севернее курорта. И волновое течение, огибавшее мыс Гребешок, уменьшило порции гальки. А под самым Гребешком железнодорожники, чтоб защитить свое полотно, набросали на берег бетонные кубы. Защитить-то защитили, но вдольбереговое снабжение ухудшилось. Потом в самой Гагре перекрыли речку Жюэкавару, и этот источник питания закрылся. Пляжи стали утончаться. Начали лихорадочно строить по всему берегу стенки и буны (восемьдесят пять бун в Гагре!), действовать на море с позиции силы. А оно этого не любит. Но такая в то время торжествовала техническая политика: побольше конструкций и глыб, совершенно испоганивших чудесные морские ландшафты. Предположим, что это можно было стерпеть, но пользы от них никакой! Только вред. Стоят, как надгробия, под которыми покоятся миллионы государственных рублей...

Между тем и тогда уже советский ученый-береговик лауреат Ленинской и Государственной премий Всеволод Павлович Зенкович

своими трудами доказывал, что единственно правильный метод борьбы с истощением пляжей — это создание искусственных пляжей, то есть отсыпка.

1982 год был первым рабочим годом НПО. Кикнадзе решил главную ставку сделать на Гагру. Отсыпали в районе парка, где от пляжа осталась узкая бандероль. Сегодня смотрим: море уже отошло метров на двадцать. Очень энергично отсыпали около «Энергетика» — вырос пятидесятиметровой ширины искусственный пляж. То же у санатория «Украина». То же в районе овощного совхоза. С волнением ждали зимних штормов. И вот он разразился, семибалльный. Владимир Пешков метался по отсыпным участкам: как они себя поведут? До сих пор ему приходилось наблюдать только разрушительные действия штормов. Да и вообще только наблюдать. Он ведь ученый, кандидат географических наук. Но теперь он стал и производителем работ. Так что же шторм-экзаменатор? Представьте, не разрушал, а созидал!..

О Пицунде. Для береговиков она начинается с устья левого берега Бзыби, реки, которая, собственно, и создала своей бурной деятельностью этот мыс. Едем к устью Бзыби. Долго идем по искусственному пляжу, мимо сосновой рощи. Еще в первые дни прошлого года этого пляжа не было, ушли под воду две трети сосновых насаждений, некоторые дома поселка птицефабрики. Причина? Лет десять тому назад кому-то понадобилось отрегулировать русло реки. Поставили стенку на одном берегу, на другом. Бзыбь стала впадать в море не так, как прежде, что-то нарушилось. Поперек устья образовалась галечная коса, все наносы скапливались вправо от устья, а влево, к Пицунде, поток гальки почти прекратился. Море стало угрожать очистным сооружениям города. Думали их придется переносить, а это грозило расходами миллионного порядка.

Что сделала «Грузморберегозащита»? Баржами и автомашинами перебросили галечный материал с правого берега реки на левый, восстановили пляж возле устья. Одновременно в косе проделали прорезь, и коса сама по себе, со всеми своими галечными запасами, словно гигантская баржа, «причалила» к левому берегу, стала работать на Пицунду. Произошло чудо. Кто не был несколько лет на Пицунде, не узнает пляж в тихой бухте: подрос метров на пятьдесят!

С Пицунды отправились осмотреть берега на научном судне «Вахушти Багратиони», ведомом многоопытным капитаном Шалвой Джакобией. В эту холодную зимнюю пору эхолоты и прочие исследовательские приборы зачехлены. У сотрудников НПО неэкспедиционный период. Прошли перед глазами Мюссерские холмы. Подошли к ним поближе, чтоб представить себе, как здесь, в сотнях метров от берега, встанет новый корпус на сваях. Вот именно, подобный Нефтяным Камням около Баку. Строиться на берегу не разрешила «Грузморберегозащита».

С моря берега кажутся не очень-то обитаемыми. Так оно и есть; незаселенных, неосвоенных курортных мест много. Видно, как выходит к самой кромке берега, а потом ныряет вглубь железная дорога. Там, где она на берегу, пляжи завалены бетонными глыбами. Это понятно: дорога отчаянно защищалась. А рядом, на смежных участках, — размыто.

Знаете, как росла общая протяженность размывов за последние двадцать лет? Сначала она составляла половину всего грузинского побережья, сто пятьдесят пять километров. В 1969 году увеличилась до ста восьмидесяти трех километров, к 1980-му — до двухсот двадцати трех!

Но вот гагрские берега уже приходят в норму. Активизируются и остальные прибрежные стационары НПО. В портовом городе Поти готовятся к большому совещанию ученых. Здесь все очень сложно: перебрали реку Риони в новое русло, и море зашло в город почти на километр...

В Батуми, на речке Королисцкали я встретила заведующего лабораторией литодинамики НПО, кандидата географических наук Шалву Вахтанговича Джаошвили. Ему удалось «достать» целую платформу белой щебенки и забросить ее в серокаменную речку. Скоро начнется паводок, и река потянет этот материал в море. По тому, как белая щебенка станет транспортироваться, Джаошвили будет уточнять метод определения стоков.

Работа ученых-береговиков — это нуднейшие порой подсчеты, промеры, лазания по речному и морскому дну, обследование подводных оврагов, каньонов, впадин. Руководитель аджарского прибрежного стационара НПО Ираклий Георгиевич Папашвили занимается этим со студенческой скамьи. Сейчас у него большие планы не только защиты крайне запущенных батумских берегов, но и создания на этих берегах природопознавательных уголков. Тем временем в дельте самой камнеобильной реки Чороха заканчивается сборка земснаряда. Он будет перехватывать из реки гальку и перекачивать ее для восстановления батумских пляжей. Гальку будут доставлять и шаландами.

Мы беседуем с Ираклием Папашвили о Дмитрие Дмитриевиче Свищевском, замечательном старом русском инженере, погибшем в ленинградскую блокаду. В начале века он жил в Батуми, ходил по этим берегам, исследуя наносы Чороха и составляя карты. Благодаря его картам, благодаря его фундаментальному труду о разрушении морского берега около Батуми Ираклий может сегодня говорить: «А по Свищевскому, урез берега в таком-то году, там-то был такой-то...», что очень важно для понимания динамики процессов.

И еще Ираклий повез меня в село Адлия и ввел в дом, где живут два пожилых человека — Николай Иванович Ерышев и Отилия Ричардовна Барто. Николай Иванович развернул начертанный на

старинном батисте план казенного участка с домом, который в 1910 году приобрел его отец, военный врач. Участок занимал 4 десятины, 1822 сажени. Большой сад и пляж перед ним. Ерышеву было тогда тринадцать лет. Первый родительский дом уже давно унесло в море. Второй, переделанный из бани, последовал туда же. К третьему море уже подобралось почти к стене. Когда начинается шторм, стариков забирают к себе соседи...

Ираклий показал Николаю Ивановичу начало работ по стабилизации берега и заверил, что море здесь не отхватит уже ни кусочка. Его слушали недоверчиво. Уж очень они настрадались.

В декабре 1982 года в Ялте состоялся симпозиум советских океанологов. И вот что записала в своем резюме рабочая группа «Морские берега» в адрес «Грузморберегозащиты»:

«...Опыт организации НПО и результаты, полученные за первый период его деятельности, показывают, что данная форма управления всем комплексом береговых работ (исследования, проектирование, исполнение, контроль за состоянием берега и оценка эффективности применяемых мер) является наиболее рациональной и заслуживает широкого распространения».

Да, сейчас многие поняли, что с морем нельзя бороться силой. Надо знать природу его берегов, помочь им, если мы же сами что-то нарушили.

ТАМАРИНО СЛОВО

Не застав Тамару дома, мы направились в бригаду и где-то километра за два от дома увидели ее, идущую навстречу. Был полдень, обычный, летний, в субтропиках. Сильно парило после дождя. Она шла проселочной дорогой, в черной одежде, крупным шагом. Лицо было спокойно и задумчиво. Машина остановилась, забрала Тамару и повернула назад. И вот мы у нее дома.

Дом сельский, как и все другие рядом, а внутри по-городскому: хороший паркет, книжные полки по стенам, мягкая мебель — все строго. Это сын Тамары, Бондо: его стиль, его позиция. Он был хорошим сельским хирургом и хорошим сыном. Единственным. Они жили вместе — Тамара, ее муж, ее сын, невестка и три девочки, внуки. Когда умер Бондо, отец этого не пережил, ушел вслед за ним. Тогда Тамаре уже было под семьдесят.

И не то чтоб забываться, но как бы в историю стало уходить ее имя, очень известное не только в республике имя Тамары Андреевны Купуния, великой труженицы, колхозного бригадира из села Ахалсопели Зугдидского района, дважды Героя Социалистического Труда. Между тем она жила и работала по-прежнему не покладая рук в бригаде и дома. А недавно это имя вновь всплыло на съезде коммунистов Грузии, когда докладчик, оставив на время текст

отчетного доклада ЦК, поднял в руке листки письма и сообщил, что сейчас он зачитает их съезду.

— «Мне уже почти восемьдесят лет, и пятьдесят из них отданы колхозному труду», — так начиналось письмо.

И тут все в зале будто заново увидели ее, сидящую в президиуме съезда и делающую отчаянные попытки вдавить себя в спинку кресла, сжаться, стать совершенно незаметной. Она не ожидала, что письмо будет читать при всех. В райкоме ей сказали, что делегаты съезда войдут в небольшие рабочие группы по разным конкретным проблемам и в одну из групп включена и она. Так что если у нее что «болит», пусть она продумает заранее. Может и написать.

Оратором она себя никогда не считала, тем более в свои теперешние преклонные годы, но о том, что ее тревожит, решила непременно сказать. Посадила с собой внучку, Эку, объяснила, что предстоит особый разговор, не такой, как прежде о делах бригады. Она будет говорить, а Эка должна уловить мысль и складно записать ее.

— «Знаете, к какому выводу я пришла, вспоминая свою жизнь и сравнивая старое с новым? Уж очень легко кое-кому на селе стало многое даваться. А некоторые так и вовсе потеряли совесть, иначе не скажешь. Вместо того чтобы поставлять продукты, они стали их потребителями, и все это делается в погоне за длинным рублем. Есть в нашем селе люди, которые перестали уважать крестьянский труд, ищут в жизни легкие пути, хотят, чтобы все само собой в руки плыло. Потому-то они и предпочитают возделывать культуры, которые не требуют большого ухода, такие, как лавр, груша сорта «Кайфера», люфа, даже бузина, которую сдают по сорок копеек за килограмм. Доход от всего этого немалый, а продуктов в доме нет. Трудно в это верить, но все чаще стали встречаться дома, где не найдется обычного запаса кукурузы, стали исчезать огороды, помещения для скота и птицы. А без этого какой двор сельского жителя? Сами же они теперь за редиской и петрушкой на базар ездят...»

Она вспоминала, как совсем еще недавно у всех было припасено в домах зерно, гоми, из которой делается грузинская мамалыга, во дворе — корни лозы и дерево ореха, что позволяло варить сладкие чурчхелы, как росли у всех тыквы в огороде, кур было в достатке, индейки, козы и, конечно же, корова, а значит, всегда свежее молоко, мацони, сыр. Да и сейчас все это есть у тех, кто не боится работы, любит землю. А если не любить землю, так зачем жить в селе?

Когда было покончено с этим вопросом — исписано, перечеркано, смято и вновь написано много страниц — они, бабушка и внучка, с еще большим рвением принялись за второй вопрос.

— «Уж очень мы пристрастились к многолюдным, слишком пышным свадьбам и поминкам, проводам в армию и празднованиям дня рождения ребенка. Некоторые люди, а точнее молодежь, полагают, что это идет по традиции. Никакая это не традиция.

Никто в наших краях раньше и не слышал о ней. На свадьбах и на поминках всегда соблюдалось чувство меры. По достоинству и в армию провожали и новорожденного напутствовали в жизнь. Никто и никогда не собирал на застолье толпы людей и не выбрасывал на другой день горы съестного... А сейчас? Если пригласили триста — четыреста человек, то это считается средней свадьбой...»

С болью указывала Тамара на печальные результаты этих неумеренных празднеств: сколько людей правдами и неправдами отрывается от дел для приготовлений и сколько потом тяжело опохмеляется еще несколько дней!

— «Такие свадьбы и дни рождения устраиваются не для радости и веселья, а ради хвастовства или выгоды. Кое-кто кичится тем, что вот, мол, какой я задал пир на весь мир, а кое-кто самым бессовестным образом организует настоящие поборы среди гостей. Одни на этом бесцеремонно наживаются, а другим это не так-то просто, потому что легко бросает на ветер деньги лишь тот, кому они легко достаются. При этом смысл таких встреч — сближение, душевное породнение людей — остается в стороне... Поэтому я предлагаю объявить решительную борьбу всем этим фальшивым сборищам. Пора положить конец бесхозяйственному разбазариванию продуктов, созданных честным и нелегким трудом человека».

Вот так, без обиняков, о том, что накипело. И не только у Тамары.

Но что же все-таки получается? Значит, продуктов много, если кто-то выбрасывает «горы съестного»? Или продуктов мало, если даже крестьянин едет на рынок и у крестьянина же покупает петрушку и редис? Или скорее всего продуктов не столько, сколько их могло бы быть при наведении элементарного порядка в хозяйствовании и поведении людей?

До того, как проводить Тамару, мы разговорились в селе Кахати того же района с председателем колхоза Джото Иосифовичем Гугучия:

— Еду я как-то из города к себе, еще не вышел на трассу, вижу, «голосует» одна наша колхозница. Конечно, взял ее. Смотрю, у нее сумки, полные помидоров и огурцов. «Не продала, что ли, на рынке? Везешь обратно?» — «Нет, — смеется, — я ездила покупать». — «А что, разве у тебя огорода нет?» — «Да некогда мне с огородом возиться. Лучше съезжу в город, куплю на деньги...» Деньги у нее, правда, есть: хорошо работает на плантации, хорошо получает на трудодни. Осекся я сначала, промолчал, а потом зло меня разобрало, стал сердиться. Позор какой! Если все начнут действовать так, что же будут кушать люди в Западной Грузии — чай и мандарины? А ведь не одна она, оказывается, на рынок ездит за овощами. Созвали мы в колхозе собрание, сильно пристыдили иждивенцев...

К Джото Гугучия завернула я, конечно, не случайно. Известно было, что кахатцы первыми в районе и в республике составили свою

продовольственную программу. То самое, за что ратовала в своем письме Тамара? Если не то, но во всяком случае близкое? Да, близкое, потому что продиктовано озабоченностью о жизненных припасах, о рациональном использовании земли. Но это уже не эмоции, а план действий, составленный на основе тщательного анализа возможностей. Теперь коллективное хозяйство работает с полным знанием того, что ему (и сколько, и как) нужно произвести для того, чтобы прокормить свое село. В каком продовольствии оно нуждается извне, и что можно дополнительно дать в общую копилку.

Оказалось, что при тотальном прочесывании всего хозяйства (как общественного, так и частного) бригадными и общеколхозной продкомиссиями открылась бездна неиспользованных резервов. Оказалось, что ферма может увеличиться на сто голов рогатой скотины, что двести пять кахатских бескоровных семейств теперь, в кооперации с колхозом, готовы этих коров заполучить (сорок семь семейств уже заполучили). Оказалось, что проблема кормов не камень преткновения, потому что найдено немало бросовых земель, усеянных камнями-голышами от когда-то разливавшихся по Колхиде блуждающих рек. Убрать камни — и будет поле, будет кукуруза, овес, соя... Оказалось, что колхидские топи, которые с такой поразительной медлительностью десятилетиями осушает «Колхидстрой», можно самим взять на абордаж, что и сделал с почти партизанской лихостью Джото Гугучия: выкорчевал пока что пятьдесят гектаров джунглей, отвел воду и занял под кукурузу на корма. И там же, в зарослях, нашел речушку, типичную для Колхиды, с поросшими сочной травой берегами, прошел к ней каналом, построил свою флотилию, поставил косцов... За ним потянулись в эти дебри другие хозяйства.

Можно еще рассказать, как взялись кахатцы за откорм свиней (три семьи, объединяясь, опекают пятьдесят поросят!), за овощное хозяйство, за повышение урожайности чая, который остается для колхоза главным делом.

О чае, пожалуй, подробнее. Ведь с некоторых пор, когда говоришь о грузинском чае, нельзя обойти вопрос о его качестве. И Джото Гугучия, делегат XXVI съезда КПСС, задался этим вопросом, хотя забота колхоза — лишь вырастить, убрать и сдать на фабрику чайное сырье. Но чайная фабрика в этой округе (впрочем, и в других!) еле справляется с переработкой урожая. А ведь все знают, что, если сорванный чайный лист простоят в очереди на фабричном дворе больше суток, он уже превращается в веник...

Так вот Джото Гугучия построил вблизи своих плантаций колхозную микрофабрику на одну сушильную печь. Чего он этим добился? Того, что фабрика взаимодействует с плантацией, диктует сборщикам чая, кто, когда и сколько должен поставить ей сырья. Никаких очередей у приемного транспорта, ни один листочек не вянет. Здесь он, зеленый нежный листочек, проходит не только сушку,

но и скручивание, и ферментацию, и буквально все, что превращает его в чайнку. Но... не сортируется, а перевозится для сортировки на госфабрику и попадает в общий поток. А почему бы не дать возможность кахатцам довести дело до конца, установить у себя сортировочную машину и даже чаеупаковочный агрегат? Ведь эти люди будут бороться за качество, начиная от корней куста и до заварки, будут биться за то, чтобы кахатский чай почитали «лучшим в мире»!.. А что нужно нам, потребителям, чаелюбам? Только это — чтоб продукт, именуемый чаем, был хорош.

Не в подобном ли взаимопонимании смысл усилий, которые вкладываются сейчас в составление продовольственных программ от самого маленького его звена до глобальных масштабов, от Госплана СССР до стола каждой отдельной советской семьи? И сколько в ней, в этой программе, сплетается интересов — экономических, социальных, интернациональных и нравственных! Да, да — и нравственных! Потому так ценно то, что ищет Джото Гугучия, движимый желанием дать людям высококачественный продукт. Потому так важно то, что тревожит Тамару.

Можно представить себе (хотя и с трудом), что в некоем царстве, тридцатом государстве с несоциалистической, непланируемой системой решили взяться за составление продовольственной программы. Анализ, расчеты — все это будет сделано на высоком уровне. Но что из этого получится, если общество людей, построенное на голом чистогане, по-прежнему будет озабочено личной и только личной выгодой? Мы тоже не донкихоты и элементы личной выгоды для человека прямо и откровенно закладываются в продовольственную программу хотя бы того же кахатского колхоза. Но возможна ли там, в тридцатом государстве, такая вот Тамара с ее беспокойством об общественном благе и требовательными призывами построже взглянуть на себя?

Так вот, вернемся к Тамаре. Как поживает она сама? Конечно, глаза ее, стоит заговорить о сыне, полнятся слезами. Она их, эти слезы, каким-то особым жестом отдавливает указательными пальцами снизу вверх и стряхивает долой. И тогда лицо ее, хорошо знакомое с солнцем, ветром и дождем, снова становится спокойным, светится житейской мудростью, добром, благородством и какой-то, что ли, совестливостью. Чего она совестится? Что обругала публично своих земляков и теперь ее слова разносятся по всей республике на сельских сходах? Так это же любя, поделом! Вот и в ее деревне был сход, и ни один не сказал, что она возводит напраслину, вторгается в частную жизнь, мол, как хочу, так и живу. Все выступающие одобряли Тамару, дополняли ее, требовали, чтоб прекратилось со стороны отдельных лиц наплевательское отношение к земле, чтоб покончить с этими мешанскими соревнованиями по пышности и многолюдности стола. А кто не выступал, тот либо призадумался, либо прикусил язык. Тамара, видимо, круто взялась свернуть эту псевдонародную моду. И в глуби-

не-то души каждый понимает, что от этого только всем станет лучше.

Пока тонконогая и быстрая, как козочка, Эка хозяйничает в доме, моет лестницы, трясет половики, Тамара, стеснясь, показывает свое домашнее хозяйство: огород, участок кукурузы, мандариновые деревья, курятник. Где-то на лугу пасется корова, есть пять свиней. В маленьком сарайчике с земляным полом над погасшим костром висит железный крюк. Здесь коптится впрок мясо, кружки мингрельского сыра — сулгуни. Все это скромное, но достаточно трудоемкое хозяйство на плечах Тамары, ее невестки и Эки, главной физической силы в семье. Три женщины встают на рассвете, разбегаются по своим делам и поздно ложатся.

Может быть, Тамаре оставить работу в бригаде? Ни в коем случае! Она так связана с ней уже более сорока лет, с того дня, как все мужчины, и муж ее в том числе, ушли на фронт! Тогда она со своей бригадой мотыжила кукурузное поле и делала это так усердно, что удостоилась вскоре после войны звания Героя Социалистического Труда. Потом на тех же бедных, подзолистых почвах взялась выращивать чай и добилась рекордных урожаев (второй орден Ленина и звезда Героя!). И сейчас в ее бригаду, собравшую сто колхозников-ахалсопельцев, охотно идет трудовая молодежь. И Эка тоже здесь же работает на сборе чая. А дела в бригаде не только чайные, участки разбросаны, Тамаре приходится отмахивать в день не меньше десяти километров. Не много ли? На это такой ответ:

— Вот Гугуша решила, что старость требует покоя. Уже давно сложила руки и теперь даже по комнате не может ходить...

Гугуша — Тамарина сестра, ее близнец. Возьмите на заметку, геронтологи!

А Тамара каждый день проходит мимо своего бронзового бюста, установленного в центре села, и ни капли величия не отражается на ее высоком челе. А трещины на руках черные, потому что в земле, не отмываются, не отмоются уже.

ВОЙНА И МИР КАМНЮ

Еду поездом из Грузии в Армению. Через два часа — Ереван. За окном сухая, голая, мучнистого цвета земля и кучи камней на ней. Здесь куча, там куча. Все поле как в стогах. Да только вокруг ни травинки, ни былинки. И мелькает маленькая железнодорожная станция с названием Каракерт. А «кара» по-армянски — камень.

Каменистых земель в нашей стране хватает. В Киргизии камнями покрыта большая часть Чуйской долины. В Башкирии четырнадцать процентов территории каменисты. Но Армения действительно классическая Страна Камня. Так назвал ее Страбон, путешествовавший по этой стране в начале нашей эры.

С тех пор мало что изменилось в природе: камни не рассыпались в прах, их не унесли реки, они не сдвинулись ни на йоту, не уступили людям пахотных земель, на которых так беспорядочно и беспардонно разлеглись после великих земных сотрясений. Целые каменные поля — чингилы — заняты здесь исключительно обломками базальтов и базальт-андезитов. Да еще как бы отсортированы: в одном месте крупнообломочные, в другом — щебенчатые, в третьем — острогранные. Южные склоны гор Севанского бассейна вообще сплошь покрыты пористым вулканическим шлаком. И еще есть керы. Это уж совсем ни в какие ворота, это панцирь из сцементированных мелких камней. Его иначе, как мощными взрывами, не разобьешь. И даже Араратская долина, такой, казалось бы, символ цветения, имеет большие территории безжизненной земли, потому что лежит под кирами. А те самые кучи или тумбы, что виднелись из окна вагона, как оказалось, следы давнишней деятельности человека. Надо же было человеку найти себе место! И вот пытался хотя бы руками да ломами очистить от камней клочки пашни. Теперь эти клочки полностью эродированы, лишены пахотного слоя. И трактору здесь не пройти, пока кучи не уберутся.

Удивительным во всей этой камнеуборочной проблеме Армении показался мне ракурс времени: с сотворения мира — на одной чаше весов и всего лишь десять лет — на другой. Именно десять лет тому назад будто подошел кто-то, могучий и добрый, к весам и стал перекладывать камни из одной бездонной доверной наполненной чаши в другую. И дрогнула стрелка весов. И поползла медленно по шкале. Вот в Наирийском районе очистили от камней поля и организовали совхозы, целых два государственных хозяйства. В Аштаракском районе на бывших бросовых землях появились три новых хозяйства, в Талинском — два, в Калининском — два... Освободились от камня пастбища в Мартуни, в Степанаване, и скотинка получила настоящую траву, а не острые, несъедобные осколки, в которые она обиженно тыкалась мордой.

Кто же он, этот могучий и добрый, что так здорово стал помогать армянскому крестьянину? Не требовалось большой сообразительности, чтобы догадаться: имя его «Сельхозтехника». На груди его горит известная всем советским земледельцам эмблема — гаечный ключ.

Что сказали ветераны

Если дело новое, можно сказать, небывалое, надо прежде всего выслушать ветеранов. Правда, началось дело в 1967 году, когда постановлением Совета Министров Армении образовались в республике 32 механизированных отряда по борьбе с каменистыми землями, освоению и улучшению сельхозугодий, коренному преобразованию сенокосов и пастбищ. Но была и предыстория, были энтузиасты, которые до постановления искали, пробовали. Не со всеми, но кое с кем из них удалось поговорить.

Гзоян Гурген Тигранович. Кандидат технических наук. Еще в начале шестидесятых годов, являясь аспирантом общественной аспирантуры при ереванском Доме техники, вместе с шефом своим, ныне покойным профессором Сумбатом Саакяном, испытывал уже существующие сельскохозяйственные и дорожные машины, чтобы применить их к очистке камней в условиях Армении. Двенадцать машин испытал, но ни одна не работала эффективно, не рассчитана была на такую засоренность. И тогда профессор взялся, а Гурген Гзоян помог ему создать первую в Армении камнеуборочную машину «КУМ 1,2». Сейчас она основная «лошадка», везущая в мехотрядах каменный воз.

Минасян Аршак Багратович. Организатор первых механизированных отрядов борцов с каменистыми землями. Сейчас — начальник Специального конструкторского бюро по проектированию камнеуборочной сельхозтехники. Как далекое прошлое вспоминает он поле в Талинском районе сорокагектарное поле, очищенное от камней. Люди глазам своим не верили, что неожиданно-негаданно появился у них громадный кусок пашни. Вспоминает, как забирался с трактористами в глухие, бездорожные места горного Мегри и там обрабатывал усеянные камнями плоскогорья. Сейчас в этих местах строится современный комплекс «Сельхозтехники».

Микаэлян Грация Гарсеванович. Начальник отдела эксплуатации техники в Управлении производственного обслуживания колхозов и совхозов «Армсельхозтехники». Экономист. Вместе с А. Б. Минасяном организовывал первые мехотряды. Сейчас в республике работают тринадцать машинно-мелиоративных станций и двадцать четыре отряда по борьбе с каменистыми землями. Они возвратили, сделали удобными для хозяйствования около десяти процентов земель республики.

Вместе с Грацией Гарсевановичем мы побывали в одном из самых тяжелых в смысле засоренности камнем Талинском районе. И здесь директор машинно-мелиоративной станции Гагик Баринович Манукян, человек неистощимой энергии, показал нам поле совхоза «Катнахпюр». Здесь работала техника. Отсюда уже убрали пятьдесят тысяч тонн каменных глыб. Как баррикады, громоздились они по краям будущей хлебной нивы. Как знать, может быть, будут защищать от эрозии только что возрожденный почвенный слой? Столько еще сложного, неожиданного в этой каменной революции!..

Мхитарян Вараздат. Тракторист, бригадир. Косая сажень в плечах. Один из старейших на каменной целине. Спрашиваю его: «Сколько операций надо произвести бригаде, чтобы сделать поле пригодным для пахоты?» Перечисляет: «Снять камни с поверхности и полускрытые камни тоже. Выкорчевать их как пни. После чего сделать первое рыхление и снова убирать камни. Далее второе и третье рыхление, после каждого — уборка камней. Потом надо пройтись плантажным плугом

на глубину пятьдесят — шестьдесят сантиметров. И опять уборка камней. Потом — планировка...» Прерываю его: «Итак?...» «Итак, тридцать две операции, и пожалуйста — сей, сажай!..» Спрашиваю Вараздата: «Сколько очищенных гектаров на счету?» Отвечает: «Наверно, не меньше трех с половиной тысяч гектаров...» «А сколько тонн камней в среднем приходится увозить с гектара?» «Разно бывает: иногда по пятьсот тонн, иногда по две с половиной тысячи. В среднем можно считать по тысяче с га». Итак, этот богатырь перелопатил три с половиной миллиона тонн каменных глыб.

Александрян Карен Вранович. Доктор технических наук, профессор, директор Армянского научно-исследовательского института механизации и электрификации сельского хозяйства, АРМНИИМЭСХа. Тема его кандидатской — «Применение вибрации при рыхлении тяжелых каменистых почв». Тема докторской — «Динамика машин для освоения каменистых почв». Называю столь подробно для того, чтобы ясна была целеустремленность ученого, его желание создать оружие и технологию войны с камнем.

Но только ли войны?

Тут-то узнаем совершенно новое, обнаруженное наукой в пылу горячих фронтowych боев. Оказывается, все не так просто: убрать с поля камень, и — баста. Камни тоже принимают участие (и немалое!) в жизни растений. Оказывается (и это доказано опытами АРМНИИМЭСХа совместно с Армянским институтом камня и силикатов), пористые каменные материалы, обладающие водопоглотительной и водоудерживающей способностью, весьма положительно влияют на урожай винограда и плодовых. Капиллярная система туфов поднимает грунтовые и подземные воды и приобщает их к почвенной толще. Камни помогают подогреть почву: днем поглощают тепло, а ночью отдают его земле. Наконец, камни в отдельных случаях препятствуют эрозии. Вот ведь как...

И нашли ученые указания на этот счет Плиния, толкующего о сельском хозяйстве и подающего нам из глубины веков советы о том, что перед посадкой лозы следует дно ямы выложить камнями, иначе лоза потеряет свой урожай в грязи. И пошли ученые к опытным виноградарям и от них услышали нечто подобное. Так что же, шарахаться теперь в другую сторону, прекратить каменную войну? Нет, конечно! С самого начала в «КУМ 1,2» было предусмотрено оставлять на поле каменную мелочь. Но сейчас просто обнаружено много других тонкостей, которые необходимо учитывать для того, чтобы еще больше повысить урожаи с целины. Так родилась в АРМНИИМЭСХ еще одна, кроме существующих шести, машина — «КДК-50», камнеуборочный дробильный комбайн.

Мы увидели этот комбайн на государственных испытаниях. Увидели, как он выволакивает из-под почвы самые разные калибренные камни, тут же сортирует их, и те, что покрупнее, идут на вывоз с поля,

а помельче — попадают в дробилку, которая измельчает их и разбрасывает по полю.

Значит, не только война, а и мир камням?

СЛАДКОЕ СОЛНЦЕ ВИЛЕНА

Пока Аршак Минасян с Грацией Микаэляном создавали в Армении первые мехотряды, пока Карен Александриян работал над научными проблемами каменной целины, а Варо Мхитарян давил гусеницами своего трактора змей в пустыне Сардарабада, Вилен Сукиасян находился за тридевять земель отсюда, на Острове Свободы. Он был в числе тех первых молодых советских механизаторов, которые пришли на помощь сельскому хозяйству Кубинской Республики. Гавана еще переживала первые революционные годы. В Гаване еще стреляли из-за угла. Вилен быстро изучил испанский язык и приобрел среди революционеров много друзей. Вилен оставался на Кубе семь лет.

Из Советского Союза к Карибскому морю шли машины, сажающие черенки сахарного тростника, шли культиваторы, комбайны, погрузчики стеблей — «альсадорас». Сконструированные на советских заводах, «альсадорас» вытесняли ручную погрузку сахарного тростника. Вилен чувствовал, что нужен кубинцам. Он был специалистом, советником. Но он не только советовал.

Откройте «Огонек» № 1 за 1968 год и в репортаже «Такое сладкое солнце» увидите строки из кубинской провинции Пинар-дель-Рио:

«...В окружении густого шуршащего на ветру тростникового леса навес из досок. Внутри, в аккуратном ряду четыре красных трактора с буквами «МТЗ» и четыре кровати. Это — постоянное место жительства молодежной экспериментальной бригады механизаторов. В ней пятеро кубинцев-механиков: один — член партии, четверо — комсомольцы. Руководит бригадой молодой инженер Вилен Сукиасян, огромный, смуглый богатырь из Армении».

Да, это была инициатива Вилена: полностью механизировать процесс выращивания и уборки сахарного тростника. И, заметьте, — удивительное совпадение! — это было десять лет тому назад. И тоже под палящим солнцем, на холмах и каменистых почвах.

«...расчистили, перепахали заново свои владения, — читаем дальше репортаж из Кубы. — Переделали уже существующую машину для посадки тростника. Посеяли черенки крепких, неполегающих сортов. Обычно на посадке одной кабалерии земли (1343 ара) занято шестьдесят человек, а у них при полной механизации один человек справился с двумя кабалериями. Сконструировали культиватор-удобритель, вернее, перестроили с учетом кубинской почвы наш советский культиватор — сами возили в мастерские, сами сварива-

ли. Машиной заинтересовались в Гаване, по ее примеру стали переделывать остальные культиваторы. Комбайн экспериментальной бригады рубит посаженный год назад тростник по двенадцать — пятнадцать тысяч арроб в день. Это вдвое больше обычного... А ребята Вилена уже мечтают о том, когда при каждом из работающих на Кубе комбайнов будет работать такая бригада...»

Ребята Вилена... Он и сейчас сильно тоскует по своим кубинским друзьям. Но что делать? Работы полным-полно и на родной земле. И какое бы ни сладкое на Кубе солнце, а родное солнце...

С «кубинцем» нас познакомил профессор Александрян, именно в эти дни представлявший генерального директора только что образованного научно-производственного объединения «Армсельхозмеханизация». В состав этого объединения входит тоже ново-рожденный специальный экспериментальный завод. Вилен Геворкович Сукиасян — его директор.

Через некоторое время, далеко оставив позади Ереван и проколесив по полям с рычащей повсюду техникой (здесь царство машиноиспытательных станций!), подъезжаем к заводским воротам. Конечно же, на воротах — изображение гаечного ключа.

— Этот знак я сам варил, — говорит Вилен, и мы вспоминаем, что и в Панар-дель-Рио тоже любил все «сам». Маленькие коротышки-елочки на заводском дворе тоже сам? Да, привез их, оказывается, из Нальчика. И к каждому дереву прикреплен ярлык с фамилией рабочего, ответственного за полив. Среди них и два директорских деревца. Розовотуфовые корпуса завода новые, с иглочки. В цехах новые машины выпускаются. Камнеуборочные? Пока нет, но будут и камнеуборочные. Дистраивается здание ПТУ, общежитие для ребят. Для ребят Вилена...

Вечером, сидя в предельно скромной квартире Сукиасянов, мы поняли, что здесь, по-Маяковскому, «и рубля не накопили строчки, краснодеревщики не слали мебель на дом... Маленькая Эрнестина, родившаяся уже после Кубы, названа так в честь друга Вилена, легендарного Эрнесто Че Гевары. Мы говорили с отцом Вилена, восьмидесятилетним Геворком Хачатуровичем Сукиасяном. Всего два года назад он оставил свой пост руководителя «Сельхозтехники» в Октемберянском районе (бывший Сардарабад). А до этого был начальником РТС тут же, а до этого начальником МТС тут же. А еще до этого — организатором ревкома в Сардарабаде. Коммунист с дореволюционным стажем, Герой Социалистического Труда с 1950 года, депутат Верховного Совета республики четырех созывов, всю свою трудовую жизнь он посвятил возрождению армянской советской земли. Мы не сомневались, что у Вилена такой отец. Точнее, мы не сомневались, что у такого отца и сын будет преданно служить однажды избранному делу, однажды избранному идеалу.

В Голубином ущелье

Для того чтобы попасть в Голубиное ущелье — Ахавнадзор, — мы сначала добирались до Камышового ущелья — Ехегнадзор. Для того чтобы попасть в Ехегнадзор, надо было проехать Араратскую долину и, повернув в горы, пересечь высокие хребты. И увидеть тут такую Армению, какой она была, наверное, в библейские времена. Мы говорили о горах, нагих и девственных, сделанных из одной лавовой плоти и вместе с тем столь непохожих одна на другую, изобретательных по своей графике, по еле уловимым оттенкам склонов, по своей выглядываемости одна из-за спины другой, по своей прилегаемости одна к другой. И еще одно ощущение: странное беспокойство от полного отсутствия растительности, от полного неимения лесов, кустарников, даже травы! Разве только в глубоких ущельях немного травы, там, где струятся крохотные речушки.

И вот после Камышового ущелья, где расположился небольшой городочек — районный центр Ехегнадзор, по головокружительной, каменистой дороге взбираемся еще выше. Еще и еще. И тут (так бывает в Армении) вдруг широкое плато и — трудно поверить глазам! — абrikосовые и периковые сады, полные ароматных, зрелых плодов. За ними, во впадине, село Ахавнадзор.

Можно представить себе, как сто пятьдесят лет назад (это было после заключения Туркманчайского договора с Персией) тысячи армянских семейств пересекли границу и направились на свою родину. Тысячи! А десять родов пришли в Голубиное ущелье. Вот здесь, рядом, развалины Гладзорского университета, монастырь XIII века, сооруженный знаменитым архитектором Момиком. Земля — камень, но все же своя. И они стали жить.

Рассказал мне об этом директор Ахавнадзорского совхоза инженер Вагинак Гедеонович Матевосян, чей прадед, Матевос, был в числе десяти поселившихся здесь. Рассказал и о том, как погиб здесь в 1920 году в борьбе с дашнаками Ованес Чалабян, командир полка 11-й Красной Армии, а сельчане поставили ему памятный камень. И о том, как создавалась в Ахавнадзоре самая первая во всей округе партийная ячейка. Словом, хоть и далеко забрались ахавнадзорцы, а от жизни никогда не отставали. Одна беда — земля не давала развернуться. Ведь до 1936 года, когда появился в Голубином ущелье самый первый трактор, колхоз имел один гектар виноградников и пятьдесят гектаров пашни. Трактор увеличил угодья до сотни гектаров.

Огромным событием для села стало строительство большой насосной станции в три ступени. Третья ступень подала воду ахавнадзорцам, и они посадили виноградники, увеличили сады. Но не на очень много: двигаться дальше мешал камень.

И вот в Голубиное ущелье пришла бригада районной машинно-мелиоративной станции во главе с бригадиром Арменом Сагателяном: двадцать мощных мелиоративных тракторов, рыхлители, корчеватели, камнеуборочные машины, прицепы, плантажные плуги. И такая пошла катавасия в Голубином, что пыль столбом. На иных участках слой земли не более десяти сантиметров, глубже — панцирь из киров. Армен их взрывал.

Мы попросили показать ахавнадзорские кыры, а бригадир привез нас в молодой сорокагектарный абрикосовый сад:

— Вот здесь были кыры еще в 1971 году. Поверите?

И он поднял с обочины дороги спекшийся, сцементированный ком земли.

— После нашей обработки совхоз ожидал получать первые годы не больше десяти центнеров абрикосов с гектара. Но вот садам второй год, и они дают пятнадцать центнеров.

Армен знает землю, у него среднее агрономическое образование, он долгое время работал председателем колхоза, но потом так уверовал в технику, так увлекся ею, что теперь не оторвешь. И правда, какое это приятное, гордое чувство — дарить людям землю; Армен со своей бригадой уже подарил тысячу сто шестьдесят гектаров. Да не улыбнутся этой цифре россияне или казахстанцы. Ведь здесь — Армения!

— Так, может быть, Армену больше нечего у вас делать? — спрашиваю директора совхоза.

— Что вы! — восклицает он. — Ему тут хватит работы еще лет на пятьдесят!

Как в капле воды, блеснула вдруг в этом ущелье вся жизнь трудолобивой и деятельной республики. Особенно почему-то запомнилось, как директор совхоза настойчиво повторял:

— У нас живут две тысячи человек, а избирателей всего девятьсот шестнадцать.

В конце концов я решилась спросить:

— Ну и что же, что девятьсот шестнадцать?

— Как что? Ведь остальные-то дети! Понимаете? Дети! Это все для них.

ПЕЧАЛЬ

Недавно в руки мои попали взволнованные детские письма из одного грузинского села об одной и той же девочке, тринадцатилетней школьнице Майе. В них говорилось, что Маико «училась не для отметок, а чтоб овладеть знаниями», что была «чувствительная и чуткая к чужой боли», «активная пионерка и отличный друг», что была «юным натуралистом, фенологом и следопытом, обошла пешком

весь район», что «в нашей экспедиции была самая маленькая, но самая толковая, талантливая, сердечная и с сильным характером».

Чем отличалась эта девочка? Бросилась в огонь кого-нибудь спасать? Нет. Может быть, стала под пулю бандита, как сухумская стюардесса Надя Курченко? Тоже нет. Но ее друзья абсолютно уверены, что при случае все это она могла бы сделать, не задумываясь. Случая не было, жизнь шла обыкновенная, а девочка выделялась в ней. Умерла же она, как говорится, своей смертью, быстро как-то, ошеломительно, от лейкоза.

Когда ребята писали свои письма, ее уже года два не было на свете. Из восьмого перешли они без нее в девятый класс, из девятого — в десятый. А помнили, заботились, чтоб имя их подруги, их маленького лидера, не было забыто.

Думая об этих детях, вернее, о том, как назвать чувство, владеющее ими столь долговременно и прочно, я не нахожу иного слова, как печаль.

Печаль — чувство сокровенное. Печаль влюбленных, которые расстаются. Печаль безответной любви. Представим себе: женщина сидит перед зеркалом, появились первые морщины, первые седины. Никакими силами не предотвратить. Никакими красками и массажами не скроешь. Закон жизни. Или вот уходит человек на пенсию, его тепло провожают, говорят одни приятные слова. Он, естественно, благодарен, он улыбается. Но безрадостна улыбка: неужели все? Неужели навсегда?..

А разве не приходилось вам наблюдать, в каком веселом возбуждении переезжает семья из старого в новый дом? Погружаются последние узлы, суетятся ребяташки, и только один человек (дед, наверно?) поглядывает на старый дом с печалью. У него здесь были счастливые дни.

Печаль — это тень радости. Иногда попечалиться даже необходимо. Надо дать разрядку бурному ритму жизни, послушать грустную музыку, почитать грустные стихи. Где-то это граничит с состоянием отдыха, душевного покоя.

Но печаль бывает не только сокровенная. Вырастает она в чувство большого общественного звучания. Тогда, например, когда мы видим, как стихийное бедствие разрушило город, вода затопила возделанное поле, солнце иссушило землю... Произошло то, что не зависит от человека. Конечно, мы приложим свои усилия, будем все это восстанавливать, исправлять. Но прежде чем засучить рукава, мы опечалимся непременно и все вместе, даже если разрушенный город далеко от нас, а погибший урожай не грозит голодом непосредственно нашей семье. Такая печаль побуждает к действию, она отнюдь не расслабляющее, не ватное чувство, как это может казаться. Поколение, пережившее войну, это очень хорошо знает. А значит, знает и следующее за ним поколение, и будут знать новые и новые... Ну как

же не знать? Мы об этом позаботились, построили мемориалы, памятники, кое-где оставили разрушенные дома, мельницы, пробитые пулями железнодорожные вагоны...

Стоит на постаменте такой вагон-решето в Новороссийске, в районе цементных заводов. А на Малой земле — памятник «Взрыв», составленный из осколков фашистских снарядов. Как-то раз, года два назад, находились мы перед «Взрывом» с бывшим солдатом, раненым на этой земле одним таким осколком. Стояли, молчали. Солдат про себя вспоминал. Он не был тут почти сорок лет. Тем временем, словно волны морские, подкатывали к «Взрыву» автобусы с туристами. Выскочив из машины, туристы быстро выстраивались спиной к памятнику, лицом в фотообъектив. Солдат, конечно, деликатно сторонился. А экскурсовод, чтоб не терять времени, тут же скоропалительно прокручивал свой текст. «Готово!» — восклицал фотограф. «Быстро в автобус! Дальше поехали!» — подгонял экскурсовод. И так автобус за автобусом...

Смотреть на такое больно. Представлять себе, как кто-то порой хвастается такой фотокарточкой с торопливо сделанной скорбной миной, — омерзительно. Кому это нужно? Ни мертвым, ни живым!

В Тбилиси, как и в любом большом городе, есть несколько кладбищ. Среди них и уже закрытые, где за редким исключением давно не хоронят. Они почти не посещаются. Я иду туда.

Склон крутой горы. Когда-то это место было далеко от города. Сегодня высотные дома уже подступили к нему. Здесь тихо, густые заросли. Дорога, идущая вверх, приводит к старой церкви. Из старого домика выходит молодая симпатичная женщина, представляется смотрителем кладбища Джулией Бабаян. Несколько лет назад окончила Ленинградский технологический институт. Потом перенесла сложнейшую операцию на сердце, не позволяющую ей работать по специальности. Но почему работает здесь? А потому, что в этом доме родилась, дед ее и отец были директорами кладбища. В общем, династия. Осматриваемся вместе: кто тут покоится?

Владимир (Ладон) Захаревич Кецховели, известный революционный деятель Закавказья, большевик, один из организаторов Бакинского комитета РСДРП, подпольной типографии «Нина». Его застрелили в тюрьме в 1903 году. Бронзовая фигура на могиле Хосе Диаса: одна рука сжата в кулак, другая держит стяг. Генеральный секретарь Компартии Испании умер здесь в 1942 году. Группа советских генералов, погибших на Кавказском фронте под бомбежкой: Андрей Семенович Зоделава, Алексей Николаевич Саджая, Павел Иванович Бодин, Калистрат Несторович Щерозия.

Очень теплая надпись на могиле врача Николая Алексеевича Худадова, погибшего от пули черносотенца в 1907 году: «Бескорыстному общественному деятелю и лучшему другу бедных и больных». Скромный обелиск и ограда, сделанная из рельсов и болтов железнодорожными рабочими.

Могила народного артиста СССР Михаила Михайловича Климова. С 1909 года работал в московском Малом театре. Когда Малый гастролирует в Тбилиси, актеры приходят сюда. Я уж не называю имен, которые говорят о многом только тбилисцам.

Этой весной в газете «Комунисти» (орган ЦК Компартии Грузии) появилось письмо Героя Советского Союза Мелитона Кантария, который вместе с Михаилом Егоровым водрузил Знамя Победы над куполом берлинского рейхстага.

«Годы у меня прибавляются,— пишет Кантария,— близкие уходят, но что поделаешь? Как сказал Руставели, никому из живущих не дано преодолеть земного установления...»

Что же беспокоит его? Беспокоят связанные со смертью человека старые, отжившие свой век или искаженные ритуалы вроде возлияний «за упокой души», которые устраиваются под маской уважения к памяти предков. Беспокоит состояние кладбищ, где наряду с невероятно пышными памятниками, воздвигнутыми не столько по достоинству усопшего, сколько по наличию у родственников денежных средств, соседствуют заброшенные могилы, при виде которых невольно сжимается сердце. Он ратует за установление особого дня: «Освободившись от ежедневных забот, отложив все дела, посвятить его памяти ушедших из жизни близких и дорогих людей: посетить их могилы вместе с детьми и внуками, отнести цветы и отжаться истинно человеческим переживанием». Возможно, тогда, выражает надежду автор письма, преобразятся неухоженные могилы и поймут те, кто до сих пор этого не понимает, что сим местам не пристала помпезность.

Тысячу раз прав герой войны, знающий цену жизни и смерти. И это именно тот случай, когда печаль по близкому тебе человеку, чувство, казалось бы, личное, никого, кроме тебя, не касаемое, становится предметом и общественного беспокойства.

Да, есть такое беспокойство, потому что все, что относится к жизни человека, жизни семьи, воспитания в этой семье уважения младших к старшим, воспитания культуры, скромности, а не крикливого мещанства,— все это отражается и в том, как мы храним память о родных.

Письмо Кантария получило единодушное одобрение не только отдельных, откликнувшихся на него людей, но и целых трудовых коллективов. Рассмотрел этот вопрос Центральный Комитет Компартии Грузии. Принято постановление о едином для республики Дне памяти родных и близких. А как же иначе? Разве новая, только что нарождающаяся традиция не свидетельствует о желании укрепить неразрывную связь поколений? Разве не зовет к воспитанию лучших нравственных качеств и устремлений? А значит, требует и некоторых организационных мер. Скажем, чтоб бесперебойно в этот день работал транспорт, чтоб можно было купить цветы, саженцы, рабочие инструменты, краску и другие «мелочи» для благоустроительных

работ. Обо всем этом сказано в постановлении грузинского ЦК. А также о приведении в порядок братских кладбищ, мемориалов и пантеонов, домов-музеев видных государственных и общественных деятелей. И о том, чтобы в этот день в рабочий перерыв чествовать победителей социалистического соревнования, борющихся за призы имени известных рабочих и колхозников, устраивать ритуал передачи именных инструментов молодым рабочим, присваивать отличившимся студентам именные стипендии.

Так печаль о тех, кто прожил достойно, кто оставил след, завоевал уважение и любовь потомков, прорастает в глубокую и благодарную память.

Кстати, что есть слово «печаль»? Корень его — пѣча. У Даля в «Толковом словаре» объясняется так: «...забота, попечение, хлопоты, усердное участие». И дальше разъясняется: «...приложи печу, печаль, попечалуйся об этом, позаботься, прими к сердцу».

Примем же к сердцу и это немаловажное дело — дело активной печали о Человеке. Это необходимо нам, живым.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Итак, уселись мы за стол для того, чтобы поговорить о дне рождения Александра Сергеевича Пушкина. Не совсем обычном для него дне рождения. Он встретил его далеко от родных мест, в Грузии. И дата такая — тридцать лет! — в жизни человека очень значительный рубеж. Уже не можешь произносить цифру двадцать с чем-то, то есть не юн уже, не чертовски молод. И начинается отсчет к сорока годам, к зениту жизни.

Коротко о собеседнике — Ване Семеновиче Шадури. Родился он в селе Казбеги, что под вершиной Казбека, в семье, где было десять душ детей. Окончил четыре класса (больше тогда в Казбеги не было) и пошел на андезитовые разработки грузчиком. В пятнадцать лет стал секретарем комсомольской ячейки в Казбеги. Когда исполнилось шестнадцать, организовал человек пятьдесят-шестьдесят таких же, как он, парней, и отправил их все в Тбилиси: «Хотим учиться!». Их вернули и открыли в Казбеги школу крестьянской молодежи. Потом Ване Шадури сдал в Тбилиси экстерном за десять классов, и его снова послали в родное село учителем. Но какой он учитель, если правде в глаза смотреть?! И поехал он в Ленинград, в ЛИФЛИ (ныне филфак университета). Стал учеником Н. К. Пиксанова. Первый раз выступил на студенческой конференции, посвященной столетию со дня рождения Пушкина. Сейчас Ване Семенович — профессор Тбилисского университета, заведующий кафедрой русской литературы, член Всесоюзной пушкинской комиссии Академии наук СССР.

Раскрываю заранее заготовленные книги и книжицы с закладками.

— Если не возражаете, Ваню Семенович, начнем с самого простенького: каким видели Пушкина люди, которые встречались с ним в Грузии. Читаю:

«...Как теперь вижу его живого, простого в обращении, хохотуна, очень подвижного, даже вертлявого, с великолепными, большими, чистыми и ясными глазами...»

Это вспоминает армеец. А тут Пушкин в Кахетии:

«...Голос был у него славный, звучный и приятный, глаза постоянно искрились, а когда он поворачивал голову, то кудрявые волосы его сотрясались...»

Снова впечатления армейца:

«...В одежде и во всей его наружности была заметна светская заботливость о себе. Носил он у нас щегольский черный сюртук, с блестящим цилиндром на голове...»

В Тбилиси после Арзума:

«...Вдруг дверь с шумом распахнулась и к нам в комнату неожиданно влетел Пушкин и бросился в объятия Санковскому. На Пушкине был широкий белой материи турецкий плащ, а на голове красная фесс...»

Наконец, читаю выдержку из воспоминаний человека, который вместе с Пушкиным ехал по Военно-Грузинской дороге. Он утверждает, что Александр Сергеевич любил расписывать на стоянках стены мелом и углем. И тут чувствую, что Ваню Семенович начинает тихо «закипать»...

— Да не верю я этому! Они много выдумывают и присочиняют, эти воспоминатели... Знаете, скольких мы уличали в неточностях? И, если хотите знать, я даже сильно сомневаюсь, был ли Пушкин в Кахетии.

— Но вы же сами, Ваню Семенович, включили кахетинские воспоминания есаула Ханжонкова в свою книгу «Шумит Арагва предо мною».

И тут я не могу отказать себе в удовольствии пересказать эпизод, даже если его просто приписывают Пушкину. Предстояла дуэль двух поссорившихся офицеров из стоявшего в Кахетии Нижегородского драгунского полка. Пушкин хотел предотвратить кровопролитие, но уговоры не помогли. Тогда он придумал с друзьями следующее: наутро, когда дуэлянты сошлись, чтобы стреляться, при команде «Раз!» за деревьями заиграл оркестр, из-за деревьев появились офицеры с бутылками шампанского и стали между противниками. Ну, тут, конечно, мир...

— Воспоминания Ханжонкова существуют, — сказал Ваню Семенович, — и даже не подтвержденные, имеют право быть опубликованными. Но лучше давайте попробуем понять более важные вещи, в частности в каком настроении ехал Пушкин в Тбилиси. Вспомните время: всех близких ему людей разметало — кого на виселицу,

кого — в Сибирь, на Кавказ. Сам он только вернулся из ссылки. В Петербурге мрак, репрессии. Он пишет в Грузию, своему брату Льву, который в то время служил адъютантом у Николая Раевского (младшего), командира Нижегородского драгунского полка. Раевский тоже друг Пушкина, прикосновенный к декабризму. Но его послали не в Сибирь, а на русско-персидскую войну, под пули. Там же, в армии Паскевича, оказались и другие декабристы — Владимир Вольховский, разжалованный брат Ивана Пущина, Михаил, и многие другие. Пушкина тянуло к ним. Он просил разрешения поехать в Грузию, ему отказывали. Все равно он решил ехать. Ехал тревожно.

Вано Семенович достает из шкафа книгу:

— Вот его настроение! Я читаю черновик, написание которого относят к декабрю 1832 года:

Я ехал в дальние края;
[Не шумных жаждал я]
Искал не злата, не честей
В пыли средь копий и огней <?>.
Желал я душу освежить,
Бывалой жизнью пожить
В забвеньи сладком близ друзей
Минувшей юности моей.

— Теперь посудите сами,— продолжал Вано Семенович,— Пушкин прибыл в Тбилиси, и тут же выяснилось, что армия выступила в поход. Высказывалось предположение, что в Кахетию повез его Александр Чавчавадзе. Но это невероятно. В майско-июньские дни 1829 года он был занят трагической гибелью своего зятя Александра Грибоедова и состоянием дочери Нины. Пушкину надо было получить пропуск в действующую армию, и он написал об этом Раевскому, чтоб тот похлопотал перед главнокомандующим Паскевичем. Послал не почтой, а с оказией. Войско было еще не очень далеко от Тбилиси, но двигалось в Арзрум. Ответ мог быть через несколько дней и мог быть через недели, он не знал. Нельзя было отрываться от Тбилиси надолго. Это мы теперь можем за два-три дня прокатиться по всей Кахетии, тогда же ехали в глушь, на перекладных. «Наконец получил я записку от Р.,— пишет он в «Путешествии».— Он писал мне, чтоб я спешил к Карсу... Я выехал на другой же день». Вы видите — на другой же день!.. Но, наверно, достаточно об этом предмете?

И в самом деле, берем в руки томик Пушкина с «Путешествием в Арзрум» и вместе с волшебными его строками переносимся мысленно в Казбег. Ведь это первое, самое северное грузинское село, в котором остановился Пушкин! Здесь он встретил (увидел!) первого грузина, князя Казбег, мужчину «лет сорока пяти ростом выше преображенского флигельмана», с которым они «расстались больши-

ми приятелями». Один из спутников Пушкина, Н. Б. Потокский, оставивший нам воспоминания, рассказывает об этой встрече более подробно, называет Казбегу Михаилом, передает содержание беседы, в которой Пушкин-де заявил, что если б эта деревня была его, он бы отсюда никуда не поехал.

— Вот видите,— говорит Ваню Семенович,— у Пушкина Казбегу лет сорока пяти, великан, сосущий чихирь прямо из бурдюка, а у Потокского — молодой человек, голубоглазый, сидевший на камне над рекой и разговаривавший на чистом русском языке. Это и впрямь мог быть Михаил Казбегу, просвещенный человек, отец классика грузинской литературы Александра Казбегу. И он действительно в тот год был молодым, двадцатипятилетним. И нам, грузинам, приятно было бы думать, что встреча Пушкина была с будущим отцом писателя Александра Казбегу. Но как тогда согласовать это с тем, что пишет сам Пушкин? Я ведь по селу сосед Казбегу, дома почти рядом стояли. Семейство было огромное, много дядек, братьев и прочих родственников. Перерыл уйму материалов и все же к определенному выводу не пришел, с каким Казбегу встретился Пушкин. Перелистываем дальше страницы «Путешествия»:

«...Мы спустились в долину. Молодой месяц показался на ясном небе. Вечерний воздух был тих и тепел. Я ночевал на берегу Арагвы, в доме г. Ч...»

Ч.— это Чилиев, Борис Гаврилович Чилашвили, в то время исполнявший должность правителя горских народов,— поясняет Шадури.— И он и его старший брат Егор — интересные люди. О Егоре Чилиеве как об известном юристе, просветителе, авторе переводов французских энциклопедистов и члене масонской ложи есть сведения в БСЭ. Что же касается Бориса, он тоже учился в Петербурге, в кадетском корпусе, в одном классе с Бестужевым (Марлинским), будущим «государственным преступником». Кстати, когда Пушкин возвращался из Тбилиси в Россию, и снова через Бориса Чилиева, именно у него он разминутся с Бестужевым, переведенным из Сибири на Кавказ. Бестужев узнал, что Пушкин побывал у его однокашника, стремился застать поэта, но опоздал. Надо сказать, что Борис был боевым офицером, участником войны с Персией. У него останавливался Грибоедов, декабристы, с которыми Чилиев был в большой дружбе. Он же написал несколько хороших статей о бедственном положении горцев. Однако я все не о том, я все хочу подойти к главному, к маленькому пушкинскому шедевр, который знают все.

И он начал декламировать:

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»

И, закончив, сказал торжественно:

— У Чилиева, в Квешети это было написано, на берегу Арагвы. Нет, я не утверждаю, что именно здесь Пушкин взял перо и записал его. Но здесь оно вылилось, или, точнее сказать, выпорхнуло, из его

душевного гнезда. А гнездились оно в нем долго, как гнездились всю жизнь самое красивое, самое дорогое чувство к женщине, которую он никогда не называл. Долго пушкинисты терялись в догадках: кто она, его затаенная любовь? И, по-моему, наиболее близки к истине те, кто называет Марию, сестру Николая Раевского. Ведь с семьей Раевских Пушкин был на Кавказе за девять лет до поездки в Арзрум. За эти годы Мария стала женой декабриста Волконского и пошла за ним в Сибирь. Да, да, та самая Мария Николаевна Волконская!.. Ее образ, теперь уже и героический, согрел нашего гениального поэта у берегов прохладной майской Арагвы. Ему не терпелось поскорее увидеть Николая Раевского, а в его лице — ее черты. Не просто же так вопреки требованиям Паскевича состоять при его особе Пушкин в армии не покидал палатку Раевского? «Мне грустно и легко; печаль моя светла; Печаль моя полна тобою...» Вспомните и ту строку из черновика 1832 года: «Желал я душу освежить...» И вот я еще раз хочу подчеркнуть, что на фоне такого глубокого душевного настроения дико звучат строки иных воспоминателей о проделках Пушкина в Грузии, вроде малевания стен углем или игры в чехарду с уличными мальчишками.

— И все же, Ваню Семенович, общеизвестно, что Пушкин был человеком живого нрава и могучего темперамента. Посмотрите, как ему, россиянину, пришлось по душе буйная природа Кавказа, как воспел он снежный обвал и Терек в его свирепом веселье...

— Насчет Терека, если вы меня заведете, я остановиться не смогу. И совсем не потому, что я сам родился у этой реки, просто я чувствую, как Терек потряс воображение Пушкина, как помог ему выразить в своем творчестве нечто очень важное. Я считаю, что Пушкин создал своего рода «культ Терека». Кроме известных, у него есть еще несколько неизвестных широким кругам стихов, посвященных Терек. Возьмите хотя бы сохранившиеся в черновике строки из «Кавказа», навеянные теснинами Дарьяла:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя [под] властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...

Пушкин был первый, кто дал толкование буйности Терека как символа борьбы за свободу. Вспомните, к кому он рвался за тысячи верст, к каким дорогим его сердцу людям, попавшим в опалу за свои светлые идеалы!.. А продолжил этот пушкинский гимн Тереку Лермонтов. И потом вы знаете, что классик нашей литературы Илья Чавчавадзе в своих «Записках проезжего» противопоставляет вечное борение Терека холодной неподвижности Казбека.

— Вано Семенович, на «Путешествии в Арзрум» лежит печать большой скованности автора. На то было много причин, и мы сейчас не будем в них вдаваться. Иные имена обозначились Пушкиным только первоначальной буквой, не назван ни один грузинский деятель, с которым Пушкин непременно должен был видаться в Тбилиси. По крайней мере с поэтами Александром Чавчавадзе и Григолом Орбелиани, с ученым Соломоном Додашвили, который в то время был заместителем редактора «Тифлисских ведомостей», а Пушкин в эту редакцию заходил.

— Вы знаете, что порой предположение, высказанное даже не исследователем, приобретает в науке силу документа. Так случилось с предположением нашего поэта Георгия Леонидзе, который сказал, что Пушкин не называет этих людей потому, что все они, по участию в антиправительственном заговоре 1832 года, были отправлены царем в ссылку. Как же мог назвать их Пушкин, опубликовавший «Путешествие» в 1836 году? Вот и ограничивается он фразой «познакомился с тамошним обществом».

— Ну что ж, «тамошнее общество» нас тоже устраивает. Если, конечно, иметь в виду еще одно воспоминание. Вы доверяете запискам коллежского асессора К. И. Савостьянова?

— Целиком и полностью!

Дело в том, что до сих пор исследователи спорят, когда Пушкин прибыл в Тбилиси: 26 мая (6 июня), в день своего рождения, или днем позже, 27 мая. Если правильно последнее, то 26 мая он провел в Душети, после утомительного пешего перехода от Пасанаури. И в Душети, в доме у городничего, его ели блохи, которые, по утверждению Александра Сергеевича, гораздо опаснее шакалов. Ничего себе день рождения?! Но так или иначе, точно день в день или днями позже, а «тамошнее общество» устроило ему большой праздник. И вот как пишет об этом Савостьянов:

«Из живописных окрестностей Тифлиса нетрудно было выбрать клочок земли, где можно было приветствовать русского поэта. Выбор мой пал на один из прекрасных загородных виноградных садов за рекою Курой... Весь сад был освещен разноцветными фонарями и восковыми свечами на листьях деревьев, а в середине сада возвышался вензель с именем виновника праздника. Более тридцати единомышленников хозяев праздника заранее столпились у входа в сад, чтобы восторженно встретить своего дорогого гостя. Едва показался Пушкин, как все бросились приветствовать его криками «ура!» с выражениями приветия... Все веселились от души, смеялись, и одушевление всех было общее. Тут были и зурна, и тамаша, и легинка, и заунывная персидская песня, и Ахало и Алаверды, и Якшиол и Байрон был на сцене — все европейское, западное смешалось с восточноазиатским разнообразием. И скромный Пушкин нас приводил в восторг всех, забавляя, восхищал своими милыми рассказами и каламбурами...»

— Хочу сказать,—вставил Вано Семенович,— об упомянутой здесь песне «Ахало». Это грузинская народная песня на слова поэта Дмитрия Туманишвили. Александру Сергеевичу она, видно, понравилась, и он пишет о ней в «Путешествии», приводит слова. Позже в его бумагах была найдена страница с грузинским текстом и дословным переводом четырех строк.

Но читаем дальше:

«...Когда европейский оркестр во время заздравного тоста в честь Пушкина заиграл марш из «Белой дамы», на русского Торквато надели венок из цветов, посадили в кресло и начали его поднимать на плечах своих при непрерывном «ура!», заглушающем гром музыки. Потом посадили его на возвышение, украшенное цветами и растениями, и всякий из нас подходил к нему с заздравным бокалом и выражал ему, кто как умел, свои чувства, свою радость видеть его, благодаря его от лица просвещенных современников и будущего потомства за бессмертные творения, которыми он украсил русскую литературу. На все эти приветы Пушкин молчал до времени, и одни теплые слезы выказывали то глубокое, приятное чувство, которым он был тогда проникнут. Наконец, когда умолкли несколько голосов восторженных, Пушкин в своей стройной, благоуханной речи излил перед нами душу свою, благодарил нас всех за то торжество, которым мы его почтили, заключивши словами: «Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят, и как это делает меня счастливым...»

Пушкин, счастливый хоть на день... Обласканный на нелегком перевале своей тряской жизненной дороги. Даже если это было не точно так, как описано, а лишь приблизительно, вспомнить об этом бесконечно приятно.

СОДЕРЖАНИЕ

Все от человека	3
Как развязали узелок	9
Добрым не прикинешься	15
Дай руку, море!	21
Тамарино слово	25
Война и мир камню	30
Печаль	37
День рождения	41

Ия Семеновна МЕСХИ

ПРОБЛЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ!..

Редактор Е. Ф. Олейник

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 11.05.84. Подписано к печати 09.07.84. А 10286.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,11. Тираж 92000 экз.
Изд. № 1708. Зак. № 2765. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты
«Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Ежемесячно Вы обращаетесь в сберегательную кассу, чтобы уплатить за квартиру, электроэнергию, газ, телефон, за детский сад, ясли, обучение детей в музыкальных школах и т. д.

● Одним из видов услуг, предоставляемых сберегательными кассами вкладчикам, являются БЕЗНАЛИЧНЫЕ РАСЧЕТЫ. Пользуясь ими, можно экономить свое время и, не посещая сберегательной кассы, производить указанные платежи.

● По Вашему поручению сберегательная касса будет перечислять с Вашего лицевого счета по вкладу до востребования в обусловленные Вами сроки платежи в пользу любой организации на протяжении квартала, года или впредь до отмены этого поручения.

● Сберегательной кассе можно дать поручение и на перечисление какого-либо платежа в разовом порядке. Такое поручение можно также переслать по почте.

● Бланки для оформления длительных и разовых поручений по безналичным расчетам вкладчик может получить в любой сберегательной кассе.

● Экономьте свое время! Пользуйтесь безналичными расчетами сберегательных касс!

**Российское республиканское
Главное управление Гострудсберкасс СССР**